

История целибата

Элизабет Эбботт



Элизабет Эбботт
История целибата

«Этерна»

1999

УДК 930
ББК 63.3

Эбботт Э.

История целибата / Э. Эбботт — «Этерна», 1999

ISBN 978-5-480-00323-9

Флоренс Найтингейл не вышла замуж. Леонардо да Винчи не женился. Монахи дают обет безбрачия. Заключение вынуждены соблюдать целибат. История повествует о многих из тех, кто давал обет целомудрия, а в современном обществе интерес к воздержанию от половой жизни возрождается. Но что заставляло – и продолжает заставлять – этих людей отказываться от сексуальных отношений, того аспекта нашего бытия, который влечет, чарует, тревожит и восхищает большинство остальных? В этой эпатажной и яркой монографии о целибате – как в исторической ретроспективе, так и в современном мире – Элизабет Эбботт убедительно опровергает широко бытующий взгляд на целибат как на распространенное преимущественно в среде духовенства явление, имеющее слабое отношение к тем, кто живет в миру. Она пишет, что целибат – это неподвластное времени и повсеместно распространенное явление, красной нитью пронизывающее историю, культуру и религию. Выбранная в силу самых разных причин по собственному желанию или по принуждению практика целибата полна впечатляющих и удивительных озарений и откровений, связанных с сексуальными желаниями и побуждениями. Элизабет Эбботт – писательница, историк, старший научный сотрудник Тринити-колледжа, Университета Торонто, защитила докторскую диссертацию в университете МакГилл в Монреале по истории XIX века, автор несколько книг, в том числе «История куртизанок», «История целибата», «История брака» и другие. Ее книги переведены на шестнадцать языков мира.

УДК 930

ББК 63.3

ISBN 978-5-480-00323-9

© Эбботт Э., 1999

© Этерна, 1999

Содержание

Примечание автора	7
Введение	8
Глава 1	16
Греческая мифология	17
Афина, Артемида и Гестия	17
Мифологические девственницы	22
Греческая литература	25
Ипполит против любви	25
Ультиматум Лисистраты	27
Классические ритуалы	31
Тесмофории	31
Благая богиня	32
Культ Исиды	33
Дельфийский оракул	35
Целомудренные жрицы	35
Весталки	37
Языческий и еврейский аскетизм	42
Влияние греческой философии	42
Подготовка эссе к Армагеддону	44
Глава 2	46
Истоки	47
Притча о двух женщинах	47
Ужесточение мученичества новой религии	50
Второе пришествие	53
Аве Мария? Все большая непорочность Девы Марии	56
Бойкот чрева энкратитами и гностиками	61
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Элизабет Эбботт

История целибата

Elizabeth Abbott. A History of Celibacy
Conceil des Arts an Canada

Издательство выражает благодарность канадскому Совету по искусству и канадскому Министерству иностранных дел и внешней торговли за финансовую поддержку в издании книги.

© 1999 by Elizabeth Abbot

© М. М. Гурвиц, перевод, 2016

© ООО «Издательство «Этерна», издание на русском языке, 2016

* * *

Иву Пьеру-Луи

за его дар бесценной дружбы в радости и в горе

Примечание автора

Представляется уместным дать пояснения о сносках и библиографических указателях. Чтобы избежать многочисленных сносок, избыток которых перегружал предварительные варианты работы и затруднял восприятие текста, я сгруппировала основные источники по каждому разделу. Остальные сноски даны на приводимые цитаты или сведения. В источниках периодической печати указывается только имя автора и название статьи, а полные библиографические данные приводятся в разделе о библиографии.

Поскольку в книге речь идет о большом числе сюжетов, я пересмотрела первоначальную, слишком объемную библиографию и в соответствии с главами книги разбила ее на избранные библиографические разделы, которыми легче пользоваться. Благодаря этому теперь гораздо проще найти первоисточники по отдельным темам.

Введение

Проблема целибата

Приступить к всестороннему изучению проблемы целибата меня побудили две причины. Первой из них и самой важной стала сенсация, о которой международные средства массовой информации сообщили в 1990 г. Несколько братьев во Христе в сиротском приюте «Маунт-Кашел» в провинции Ньюфаундленд, которые, по их собственному признанию, дали обет целибата, на самом деле занимались педофилией. Они молились, используя руки, языки, половые члены, а также ремни и цепи, которыми сковывали вверенных их попечению подкидышей. Второй причиной стало высказанное шепотом признание одной моей подруги о том, что муж нашей общей знакомой терпел измены жены, потому что *был непорочен*. Эта поразительная новость стала для меня введением в Новый Целибат¹.

Я приступила к работе, полагая, что целибат представляет собой добровольное воздержание от половой жизни. Надо отметить, что в долговременном плане такое воздержание мне представлялось неестественным. Не случайно поэтому первым рабочим названием книги было «Торжество неестественного: история целибата», а мои друзья в шутку окрестили ее «Сухой сезон».

Но время шуток в работе над книгой было недолгим. Очень скоро, углубившись в исследование, в итоге продолжавшееся шесть лет, я была поражена узостью моего подхода к проблеме, определявшегося христианским видением мира, и ее упрощенным определением. В разных районах мира в разные эпохи целибат составлял основной элемент существования людей. Во всем своем многообразии он определял жизнь не только служителей Церкви, но и мирян, распространяясь на людей всех возрастов, включая и совсем маленьких, и очень старых. Целибат практикуют вдовы и заключенные, тренирующиеся спортсмены и шаманы. Он наложил отпечаток на классическую поэзию и на лагерную литературу, на каноническое и гражданское право.

Куда бы я ни бросила взгляд, целибат мне виделся повсюду. Он слышался мне в сладкозвучных сопрано певцов-кастратов итальянской оперы, в отчаянных воплях девочек, которые не могли выйти из дому, потому что ради сохранения целомудрия им перебинтовывали ноги, и мальчиков, оскопленных ради того, чтобы их можно было использовать в мрачных гаремах и залитых солнцем храмах инков. Он пронизывал античную историю, накладывая отпечаток на давших обет безбрачия пифий Дельфийского оракула, порой работавших посменно, на девственную троицу – Афины, Артемиду и Гестию – величайших богинь греческого мира, и на царственных римских весталок. Его отзвук доносился до меня в словах Гамлета: «Уйди в монастырь!»², которыми он побуждал Офелию разделить судьбу огромного числа других нежеланных женщин, против воли заточенных в монашескую обитель.

Целибат гордо прошествовал по истории под множеством разных имен. К их числу относятся Жанна д'Арк, Елизавета I Английская, Флоренс Найтингейл. Сюда же можно причислить Махатму Ганди и его странные опыты с *брахмачарьей*, когда он обнаженным проводил ночи вместе с достигшими брачного возраста молодыми женщинами, подвергавшими испытанию его целомудрие. Об этом же устами своего героя пространно рассуждает Лев Толстой в противоречивой «Крейцеровой сонате», донесшей миру его послание о целибате. Сюда же следует

¹ Термин введен Г. Браун в изданной в 1980 г. книге «Новый целибат». В пересмотренном издании 1989 г. она отмечает, что «воздержание представляет собой ответ на внешние факторы, а целибат – реакцию на внутренние побуждения». Автор полагает, что понятие «целибат» существенно шире, чем просто воздержание от половой жизни, поскольку его целью является индивидуальное развитие и внутреннее раскрепощение личности.

² Перевод М. Лозинского. – *Здесь и далее прим. перев.*

отнести Леонардо да Винчи, который боялся второго обвинения в нарушении норм сексуального поведения; сэра Исаака Ньютона, скорбевшего по покинувшему его любовнику; Льюиса Кэрролла, разглядывавшего проходившую перед его глазами вереницу молодых Алис в стране чудес, но не осмеливавшегося прикоснуться к ним.

Целибату также отводится большое место в мировой медицинской литературе, ему посвящены пространные разделы в учебниках, он входит неотъемлемой частью в накопленную веками мудрость культуры большинства народов. В этой связи были созданы многочисленные концепции и философские учения о значении спермы, равно как и подробные наставления об образе жизни и режимах, помогающих сохранять ценную, богатую белком семенную жидкость.

Кроме того, целибат несет в себе значительную символическую ценность. В типичных блюдах западной кухни можно найти следы впечатляющих общественных движений за целибат, направленных на поддержку безбрачия и подавление неумемной похоти. Кого из нас хоть раз не порадовали кукурузные хлопья и крекеры из пшеничной муки крупного помола, созданные целомудренными Джоном Харви Келлогом и Сильвестром Грэмом ради того, чтобы остудить жар чувственности и принести пользу здоровью? Кто не пользовался прищепкой, венником или циркулярной пилой – результатами изобретательной сублимации целомудренных шейкеров? Кого из нас хоть раз не приветствовали словами «Мир вам!», оставленными в наследство другим почтенным проповедником воздержания – отцом Дивайном?

В наше время в школах и студенческих городках многие юноши и девушки, разделяющие принцип «истинная любовь ждет»³, придерживаются правил целибата. Целибат заявляет о себе и среди взрослых, провозгласивших себя «возрожденными девственниками». Он просматривается и в исхудавших телах голодающих женщин, стремящихся управлять своим телом, и в невинных рукопожатиях гомосексуалистов, которые отrekliсь от чреватых смертельной опасностью СПИДа половых отношений.

Целибат, как я вскоре поняла, поразительно отражает панораму действительности, всегда и везде связанную с человеческой природой. По мере расширения пределов исследования я уточняла рабочие определения, меняла названия, пересматривала гипотезы, в соответствии с которыми считалось, что целибат – явление неестественное, и все более внимательно относилась к тому, о чем свидетельствовали собранные мною материалы.

Моим вторым шутливо-ироническим названием стало «Кама-сутра целибата», которое точнее отражало суть проблемы, но было слишком претенциозным: чем больше я читала, тем отчетливее понимала, что для создания работы о целибате такого же масштаба, как «Кама-сутра» в вопросах сексуального выражения, не хватит целой жизни. Значительно более реалистичной целью стало определение, объяснение и описание максимально большого числа проявлений целибата, с которым я смогла бы справиться. Именно такой подход в итоге и определил характер этой книги.

Я также предложила вариант определения целибата, отвергающий строго педантичные и бесполезные различия между такими терминами, как целибат, непорочность, невинность, целомудрие и девственность, являющиеся основными в моем исследовании. Дело в том, что, несмотря на сухие словарные различия, практически все эти термины являются синонимами. Рискую утомить читателя, процитирую «Словарь Уэбстера». Когда речь заходит о сексуальных отношениях, целомудрие, невинность или непорочность означают: «Воздержание от внебрачных сексуальных отношений, особенно применительно к женщинам. Сексуальное воздержание; целибат или девственность». Целибат – это «состояние безбрачия, особенно человека, давшего обет безбрачия». Наиболее точно понятие «девственность» может быть выражено как «состояние непорочности, целомудрие, положение женщины, не выходившей замуж».

³ «Истинная любовь ждет» – “True Love Waits (TLW)”: международное христианское молодежное движение, созданное в США в 1993 г., члены которого дают обет воздержания от половой жизни и сохранения непорочности до вступления в брак.

Я использую термины «целибат» и «непорочность» как взаимозаменяемые понятия, а «девственность» – так, как указано в «Словаре Уэбстера»: *Целибат или непорочность представляют собой состояние воздержания от сексуальных отношений, намеренное или по принуждению, продолжающееся в течение определенного или неопределенного времени.* Такое определение является одновременно простым и емким, а также скорее описательным, чем аналитическим. Оно представляет собой самый полезный и нравственный инструмент, который я могла придумать для исследования пленительного, вдохновляющего, волнующего, сложного, а порой странного образа жизни мужчин и женщин, дававших обет безбрачия во всем мире на протяжении всей известной нам истории человечества.

По мере продвижения моего исследования стали вырисовываться его основные темы и положения. Я начала постигать основные виды целибата, соблюдавшиеся человечеством. Постепенно путем проб и ошибок я создавала категории, в которых мои материалы со временем стали располагаться доступно и удобно. Нет ничего странного в том, что в первой части «Истории целибата» основное внимание уделяется порицаемым сексуальным отношениям и одержимому целибатом христианству, хотя его языческие и иудейские предшественники, в частности секта ессеев, сыграли немалую роль в ходе развития идей безбрачия. Свой вклад внесли в этот процесс и другие религии, в частности индуизм, в рамках которого возникали совершенно иные формы целибата, основанные на собственном, совершенно ином представлении о безбрачии.

Однако целибат лежит в основе самой сущности христианства, истории о чудесном рождении божественного ребенка смертной матерью-девственницей. Проблемы, в период раннего христианства владевшие умами как обращенных в новую религию, так и ее проповедников, сводились к толкованию природы, процесса и значения этого рождения. Дева Мария стала противоречивой фигурой, обсуждение которой активно продолжается уже два тысячелетия. Внимание христиан к целибату – от его пристрастного осуждения похотливой Евой, идеологического очищения Пресвятой Богородицей и нынешнего непримиримого отрицания брака священнослужителей – не стихает вот уже двадцать столетий, охватывая миллионы людей и наполняя западную цивилизацию идеалами и идеологией.

Сквозь призму христианского целибата я рассматривала тех женщин, которые усваивали это новое учение как инструмент, освобождавший их от каторжного труда в замужестве и от рождения детей. Сознательно соблюдая безбрачие, они превращали себя в независимых людей, которые много путешествовали, учились в условиях, когда образование было доступно лишь мужчинам, писали, проповедовали и сами распоряжались своей жизнью, нередко в целомудренной компании мужчин и женщин, разделявших их взгляды.

Первые из них – смелые и решительные матери-пустынницы, были современницами святого Павла. Целомудренная ревнительница веры Фекла проявляла чудеса храбрости перед лицом враждебной толпы, не страшилась ни того, что ее могли сжечь на костре, ни львов, ни медведей, ни быков, ни гнева разъяренного мужа, лишь бы вновь не вступать в половую связь. Позже средневековые бегинки – сторонницы апостольского образа жизни, тяготившиеся ограничениями и контролем монастырей, жили со своими родителями или в общинах – бегинажах. Каждый день они уходили из своих приютов и смешивались с бедняками, которым дали обет служения, защищая их от опасностей современного им общества лишь нравственной силой, которой их наделял обет соблюдения целибата. Другие глубоко религиозные женщины, жившие как в монастырских общинах, так и в миру, соблюдали целибат, полагая, что это одно из главных условий для того, чтобы быть причисленными к лику святых или блаженных. Святая Екатерина Сиенская и ее тезка Катери Текаквита, первая святая среди ирокезов, являют собой наиболее яркие тому примеры. Честолюбивые знатные аббатисы руководили женскими монастырями и создавали почти независимые феодальные владения, где процветали образование и науки. Замужняя мирянка, рассеянная, но целеустремленная Марджери Кемп, боролась про-

тив обуревавшей ее чувственности, пока не обрела в браке непорочность – основное условие для ее посмертного причисления к лику блаженных.

С другой стороны, религиозные мужчины воспринимали налагавшийся на них целибат как постоянную борьбу с непрестанно терзавшей их похотью, искушением и унижением произвольных ночных семяизвержений. Стоявшую перед ними дилемму отражает искренняя молитва неизменно поглощенного собой блаженного Августина: «Господи, даруй мне целомудрие, но только не теперь». Непорочность несла им гораздо меньше преимуществ, чем женщинам, поскольку, будучи мужчинами, они по определению занимали в обществе господствующее положение. Болезненным следствием этого было их отношение к целибату как к некоему подобию неутоленного голода, который надо было терпеть, сносить как позор, но ни в коем случае не уступать его напору.

Двумя наиболее успешными движениями, связанными с целибатов за пределами монастырских стен, были движения, возникшие в Северной Америке в среде рабочего класса: во второй половине XVIII–XIX в. движение основанной матерью Анной Ли секты шейкеров, а в конце XIX–XX в. «Движение миссий мира», во главе которого долгое время стоял отец Дивайн. И в том, и в другом случае целибат составлял ключевой элемент созданных религиозных общин, неукоснительное соблюдение которого позволяло их членам преодолевать ограничения, налагавшиеся на женщин и негров, и проводить четкое разделение между белыми и черными. В общинах шейкеров царил равноправие, признавалась руководящая роль женщин – как белых, так и негритянок. Отец Дивайн, чернокожий сын получивших свободу рабов, возглавлял движение, объединявшее мужчин и женщин, белых и негров; он даже женился на белой канадке, которая, как и он, оставалась девственницей. Мать Анна и отец Дивайн придерживались схожих взглядов, и их успешная деятельность в целомудренных общинах доказала превосходство целибата над некоторыми глубоко укоренившимися в их обществах нормами поведения. Самое главное, пожалуй, здесь заключалось в том, что снималось возникавшее на почве сексуальных отношений расовое напряжение, что само по себе было огромным достижением.

Помимо повсеместно распространенного религиозного значения, еще одной темой, неизменно сопутствующей вопросу о целибате, является вопрос о силе спермы. Необходимость сохранения этой живительной влаги, или «жизненной силы», приводила мыслителей самых разных стран и эпох – целителей Древней Греции, индийских мудрецов, спортивных тренеров и духовных реформаторов – к проповеди идеалов целибата, дарующего состояние бодрости, энергичности и повышенных умственных способностей наряду с сохранением ценного запаса спермы. Французский писатель Оноре де Бальзак лаконичнее других сформулировал эту мысль, когда после окончания полового акта печально простонал: «Вот и еще один роман написан!»

С целибатов неизменно связан еще один сюжет, повсеместно относящийся к достижению духовного состояния, которое позволяет общаться с потусторонними силами. Так, шаманы и жрецы вуду в течение непродолжительного времени должны соблюдать воздержание от половой жизни в период ученичества и при отправлении ими своих ритуальных обязанностей. Такого рода целибат повышает их восприятие и чувствительность, тем самым вызывая к ним доверие со стороны божеств, ревностно взирающих на отношения своих служителей с иными смертными или божествами.

Более важная миссия возлагалась на весталок, охранявших священный огонь Рима, который составлял символическую сущность нации. От этих женщин требовалось соблюдать целомудрие не менее тридцати лет, и исполнять свои обязанности они должны были преданно, ревностно и прилежно. Инки, у которых практиковалась аналогичная система, требовали вечной девственности от своих служивших богу Солнца *акль*, которых обычно выбирали из числа

девиц покоренных народов, и потому они, как правило, играли основную роль в имперской политике примирения после завоевания.

Когда речь заходила о светских (но не обязательно неверующих) женщинах, бросавших вызов «естественному» порядку вещей, уготованному им их миром – раболепию, подбострастию и покорности, целибат принимал совсем иные формы. Жанна д'Арк и Великая Женщина – вождь индейцев кроу по-женски организовывали собственную жизнь военных предводительниц, включая ее сексуальный аспект. Британки XIX в. прославляли положение незамужних женщин, которые жили одни, вели независимый образ жизни и занимались профессиональной деятельностью. Флоренс Найтингейл противилась постоянному давлению семьи, отвергала поклонников и брак ради сохранения девственности и стремления превратить некогда позорное и презренное ремесло сиделки в повсеместно уважаемую профессию медицинской сестры. В Албании и Индии сельские жительницы (которых в современном западном обществе могли бы называть транссексуалами) клялись в вечном безбрачии, носили мужское платье, перенимали мужской образ жизни и становились фермерами. Елизавета I Английская, подверженная влиянию страстей и склонная к флирту, тем не менее всю жизнь хранила девственность и, несмотря на постоянные настойчивые советы придворных выйти замуж ради процветания нации, сумела так организовать собственное правление, что стала одним из самых выдающихся английских монархов.

Целибат проявляется и в менее жестких, не столь впечатляющих формах. Он используется для предотвращения зачатия и стимулирования плодовитости при последующих беременностях у кормящих матерей. В некоторых обществах стареющие женщины публично дают обет безбрачия, тем самым указывая на прекращение способности к деторождению или на нежелание нести его тяготы.

Однако характер целибата не всегда бывает позитивным. Прежде всего, это касается большого внимания, которое во многих обществах уделяется девственности невест, что придает такому проявлению целибата явно уродливый оттенок. Изящные девичьи ножки уже не перебинтовывают, а пояса целомудрия ржавеют среди других музейных диковин, но женское обрезание и «убийства чести»⁴ на Ближнем и Среднем Востоке продолжают составлять наиболее ужасающие примеры происходящих ныне событий кровавой безысходности. И в наше время шесть тысяч девочек каждый день становятся жертвами женского обрезания, а «убийства чести» продолжают отнимать молодые жизни во имя непорочности.

Конечно, добрачная девственность, за соблюдением которой так ревностно следят, распространяется почти исключительно на невест. Большинству мужчин, кроме холостых ацтеков и неженатых мужчин, проживающих в провинции Энга в Папуа – Новой Гвинее, не обязательно быть девственными женихами. Такое неравенство коренится в двойном стандарте, в тех правилах, которые распространяются на сексуальные отношения мужчин и женщин. За долгие столетия этот двойной стандарт стал настолько широко распространен, что из-за него получила оправдание и широкое развитие проституция – во имя целибата. Блаженный Августин, всегда хорошо понимавший распутных мужчин, выразил это положение следующим образом: «Уберите проституток из дел человеческих, и миром овладеет похоть». Он, как и другие влиятельные светские и духовные моралисты, защищал проституцию как главное решение проблем похотливых мужчин, дававшее им возможность не развращать тех девственниц, на которых они позже женились и которые рожали им детей. Классическим доказательством такого двойного стандарта стало приобретение в конце XIX в. воинствующим журналистом Уильямом Стэдом девственной девушки-подростка, которую он позже продал в публичный дом исключительно для того, чтобы показать, с какой легкостью это можно сделать.

⁴ Убийство члена семьи родственниками за причиненное семье бесчестие сексуального или иного характера.

Нередко целибат распространялся на мужчин и женщин, которые совсем этого не хотели: на заключенных; в XIX в. на школьных учителей в России и Канаде; на миллионы китайцев, согнанных в лагеря на принудительные работы в разгар репрессий маоистского режима в Китае; на нелюбимых арабских жен, обреченных на брак в многоженстве с мужьями, которые любят молодых фавориток и спят с ними; бесчисленных китайских холостяков, обреченных на целибат, поскольку национальная политика «один ребенок на семью» привела к массовому уничтожению еще не родившихся и только что появившихся на свет никому не нужных девочек, что повлекло за собой возникновение там нынешнего гендерного неравенства.

На протяжении долгой истории человечества целибат нередко налагался на отдельных мужчин гораздо более жестоким образом – через операцию: кастрацию или хирургическое удаление мужских гениталий. Такое творили с евнухами, которых потом использовали в разных целях. Они часто служили в гаремах, где за раздраженными и разочарованными женщинами не могли присматривать сексуально полноценные мужчины. В Византии и Османской империи кастраты занимали высшие административные и военные посты, контролируя огромные суммы денег и судьбы целых народов. Основным условием для занятия столь высоких должностей была их неспособность к деторождению. В отличие от полноценных в сексуальном отношении мужчин, имевших собственные семьи, евнухам можно было доверять, поскольку они никогда не стали бы плести интриги ради сыновей, которых им не суждено было иметь.

Когда в XVIII в. Европу охватила оперная мания, калечащий нож нашел себе другие жертвы – он превращал мальчиков в самые сладкозвучные сопрано, когда-либо украшавшие оперную сцену. Ценой, которую впоследствии платили эти безбородые, располневшие, обиженные на весь мир и злые *кастраты*, была пожизненная сексуальная неполноценность, но в безумной погоне за музыкальным совершенством это не имело никакого значения. В некоторых странах, в частности в Индии и Пакистане, мужчины и поныне добровольно ложатся под нож, чтобы стать развлекающими людей *хиджрами*, членами одной из каст неприкасаемых, которые традиционно дают обет целомудрия, говорят о себе, что они не мужчины и не женщины, и живут в общинах, членами которых являются только люди, соблюдающие целибат.

Женщины также становились жертвами жутких форм целибата. Наиболее вопиющей из них была беспросветная, голодная жизнь индийских вдов, включая девочек, выданных замуж еще малышками за супругов, с которыми они никогда не жили. Единственной альтернативой их ужасному существованию была смерть в огне, причем часто их принуждали к ней сыновья и другие родственники-мужчины, которые толкали вдову в погребальный костер ее мужа.

Целибат встречается и в гораздо более мягких вариантах, в частности когда его практикуют люди, которым трудно выразить свою нетрадиционную сексуальную ориентацию. К их числу можно отнести таких гомосексуалистов, как Леонардо да Винчи; таких педофилов, как Льюис Кэрролл; таких людей со странностями, как Джон Раскин; и таких людей с разбитыми любовью сердцами, как сэр Исаак Ньютон. Целибат может служить целительным средством для жертв сексуального домогательства или насилия, давая им время и место решить проблемы, которые вызвали их неприязнь к сексуальным отношениям. В настоящее время в связи с распространением СПИДа некоторые дают обет безбрачия в качестве способа физического выживания, как это было, например, в Европе, где в XVI в. бушевала эпидемия сифилиса. Когда сексуальные отношения внезапно превращаются в символ смерти, целибат может стать своего рода ангелом-хранителем.

К вынужденному целибату приводит и физическое состояние, связанное с импотенцией. Широкое применение свинца в римских акведуках – насколько оно было прогрессивным с точки зрения технологии, настолько же пагубным для мужской сексуальной силы – даже великого Овидия (в числе других поэтов) побуждало в стихах подтрунивать над охватывавшим его отчаянием от того, что половой член у него «вялым был, как лист вчерашнего салата». Отсутствие аппетита, в основном свойственное женщинам, оказывает точно такое же воздействие

– оно иссушает силы истощенных тел, лишая их сексуальной энергии и интереса к жизни. Однако в отличие от Овидия, Карен Карпентер и ее исхудавшие подруги оказались не сторонними наблюдательницами своей собственной ослабевавшей сексуальности. У них исчезали не только груди и ягодицы – вместе с ними пропадало и половое влечение.

Широкое распространение целибата в жизни людей нашло отражение и в литературе, причем не только в римском «импотентном жанре». Об этом писали и Мильтон, и Лев Толстой, и Вирджиния Вулф. Это же относится и к Джону Ирвингу, у которого мать Гарпа лишь однажды (хоть и с пользой для себя) пренебрегла правилами целибата. Даже вампиры с их кроваво-алой любовью, как известно, целомудренны.

Спустя столетия проблемы, связанные с целибатом, не перестают поражать воображение. Среди наших теперь раньше взрослеющих, сексуально активных детей все более гордо и громко заявляют о себе сторонники «Силы девственности», участники движения «Истинная любовь ждет» и других молодежных движений за непорочность нравов. Работая над этим исследованием, я попросила прислать мне комплект материалов для желающих присоединиться к движению. В нем я нашла элегантно раскрашенную футболку, которую иногда надеваю, когда катаюсь на велосипеде, и задаю себе вопрос о том, обращают ли прохожие внимание на необычное послание, которым она украшена.

Следует заметить, что интерес к целибату не ограничивается лишь младшим поколением. И в зрелом, и в пожилом возрасте мужчины и женщины все чаще обращаются к целибату как к средству обретения личной независимости, духовности, связи с Господом, природой и друг с другом. Некоторые провозглашают себя возрожденными девственницами, хотя внутренне присущее такому выражению противоречие более чем очевидно. Тем самым они в наше время вновь привлекают внимание к важному положению христианских теологов, высказанному две тысячи лет назад, о признании такого статуса и возвращении ему утраченного достоинства. Другие ценят в целибате разносторонность, которую он придает их отношениям, включая брак. Как целомудренные мужья и жены в эпоху раннего христианства, как святой Франциск Ассизский и его возлюбленная подруга святая Клара, эти мужчины и женщины обретают мир и удовлетворение от общения, лишённого сексуальной составляющей и буйно расцветающего при отсутствии собственнического инстинкта и ревности.

В основе стремления к целибату лежит идеальный выбор без страха позора и право каждого человека определять ход собственной жизни и приумножать жизненный опыт. Новый целибат подразумевает как создание новых подходов, так и их новое понимание и суждение о них с тем, чтобы гомосексуалисты и лесбиянки получили признание большинства, мужчины и женщины могли жить вместе целомудренной жизнью, а совместная супружеская жизнь в браке больше не считалась единственной приемлемой ее формой.

Некоторое время, когда я занималась исследованиями при работе над этой книгой, посвященной истории целибата, я сама его соблюдала, несмотря на то что на протяжении десятилетий открыто выступала в роли его противницы. Не без сарказма я даже говорила (а порой в это верила), что сама изобрела секс. Так случилось, что в течение нескольких лет после того, как я выкарабкалась из-под обломков рухнувшего брака и начала новую жизнь в новом городе, у меня не было сексуальных отношений. Однако вместо искупительного – хотя правильное было бы сказать «торжественного» – чувства освобождения, которое получали многие другие женщины от добровольного соблюдения целибата, для меня это был сознательный выбор. С тех пор я больше не воспринимала себя просто как женщину, не вступающую в отношения с мужчинами. После переоценки своей жизни и ее приоритетов, включая потребность в глубоко эмоциональных связях, я избрала такой образ жизни, который соответствует лишь моим личным принципам, причем в той степени, в какой меня это устраивает.

На меня произвели сильное впечатление и оказали влияние некоторые из тех персонажей, чей опыт соблюдения целибата нашел отражение в этой книге. К их числу принадлежат хаб-

рые женщины, отважившиеся на суровую и безотрадную жизнь ради служения Господу; гордые, целеустремленные и влиятельные весталки; не похожая на других индейская воительница Великая Женщина и мятежная Флоренс Найтингейл, хотя их образ жизни и проблемы были от меня далеки. Точнее говоря, меня глубоко волновали истории о женщинах и мужчинах, ведомых по жизни их собственными призваниями – искусством, литературой, наукой, избравших целибат и сознательно отказавшихся от отношений, требующих времени и энергии, которые им хотелось использовать для работы. Много из того, что доставляло мне удовольствие, когда я раньше потакала своим сексуальным слабостям, утратило былое значение. На нынешнем этапе жизни я гораздо больше ценю независимость и покой, которые дарует мне целомудренное одиночество. Я счастлива от того, что не испытываю ни ревности, ни собственнического инстинкта, которые мучили меня, когда я страстно кого-то любила, и мне гораздо проще жить, когда никто из близких мне людей изо дня в день не твердит мне, что я должна делать.

Я очень высоко ценю приведенные в этой истории целибата неожиданные проявления доверия со стороны моих друзей и знакомых, которые никогда раньше не распространялись о подробностях своей личной жизни. Даже те из них, с кем я общалась только через Интернет и по телефону, сразу же откликнулись на мою просьбу о сотрудничестве, причем делали это открыто и с юмором, который украшал их рассказы о почти всегда добровольно принятом целибате. Установившиеся между нами отношения стали для меня нежданной наградой за попытку публичного исследования вопроса о целомудрии. Откровения этих людей, которыми они поделились со мной в ответ на мои собственные, стали частью заключительной главы этой книги об истории целибата.

Глава 1

Божественный целибат язычников

ГРЕЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Афина, Артемида и Гестия
Мифические девственницы

ГРЕЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Ипполит против любви
Ультиматум Лисистраты

КЛАССИЧЕСКИЕ РИТУАЛЫ

Тесмофории
Благая богиня
Култ Исиды
Дельфийский оракул
Целомудренные жрицы
Весталки

ЯЗЫЧЕСКИЙ И ЕВРЕЙСКИЙ АСКЕТИЗМ

Влияние греческой философии
Подготовка ессеев к Армагеддону

В Древней Греции добрачная непорочность была настолько важным требованием к невестам, что молодых женщин выдавали замуж сразу же по окончании переходного возраста, исключая любую возможность их грехопадения до замужества. Но в пантеоне древнегреческих божеств три выдающиеся, могущественные и честолюбивые богини всегда бдительно оберегали свою невинность. Гестия воплощала собой скромность и была покровительницей домашнего очага. Что же касается Афины и Артемиды, то они умело использовали целибат для того, чтобы вести независимый образ жизни, позволительный лишь мужчинам. Целибат стал для них могучим инструментом, который освобождал богинь от традиционных обязанностей. И действительно, это был для них единственный способ избежать тяжелой рутинной работы по дому и повиновения мужу, отцу или братьям, бывшее уделом всех женщин в Древней Греции. (В римском пантеоне аналогами Гестии, Афины и Артемиды были Веста, Минерва и Диана.)

Греческая мифология

5

Афина, Артемида и Гестия

Спустя тысячелетия после того, как олимпийские боги Древней Греции буйствовали и таились, любили и ненавидели, мстили и преследовали друг друга, а также смертных, которые им изменяли, боялись, уважали и почитали их, эти божества и по сей день продолжают волновать наше воображение. Они пронизывают нашу литературу, наполняя ее своими образами и метафорами. Они составляют точку отсчета в развитии философии, математики, медицины и религии. Для ранних христиан, которым досталось наследие греко-римского мира, пантеон богов и богинь составлял кощунственную ересь и основополагающее заблуждение, тем более опасное, что оно представляло собой интеллектуальную и культурную основу их новых убеждений, к которой они относились с презрением и стремились ее изменить.

В этом пантеоне было около дюжины основных фигур, пропорционально разделенных на богов и богинь. Ни один из богов не мог похвалиться целомудрием: Зевс (Юпитер) – их предводитель; Аполлон, олицетворявший солнце, – бог красоты, юности, покровитель поэзии, музыки, пророчеств и стрельбы из лука; Арес (Марс) – бог войны; Гермес (Меркурий) – лукавый вестник и жуликоватый покровитель торговли; Посейдон (Нептун) – бог морей; и Гефест (Вулкан) – бог огня, покровительствующий кузнечному ремеслу. Все они были распутниками, странствовавшими по земле и небу и насиловавшими женщин, которые рожали от них детей. Небесный целибат, как и его земной аналог, оставался уделом богинь.

Три главные богини – Афина (Минерва), богиня войны, мудрости и ремесел, Артемида (Диана) – богиня охоты и покровительница животных, и Гестия (Веста) – богиня домашнего очага, – все были убежденными девственницами, и лишь у них было достаточно сил, чтобы противостоять Афродите (Венере) – богине любви и сексуального влечения. Четвертая богиня, жена Зевса и покровительница брака Гера (Юнона), была девственницей наполовину, целомудренной супругой, которая ежегодно восстанавливала девственность, купаясь в очищающих водах источника под названием Канаф⁶.

Первой женой Зевса была Метида. Когда она забеременела, другие божества стали ему на нее наговаривать, предостерегать его, говоря, что, если Метида будет жить, она сможет произвести на свет такого могучего сына, который займет его место повелителя богов и людей. Зевс подпал под влияние злопыхателей, желавших посеять в нем сомнение, и решил устранить опасность, избавившись от Метиды. Так он и сделал – целиком ее проглотил и отправил в свою утробу. Вскоре у него так страшно заболела голова, что сочувствующий ему бог – Гефест, Прометей⁷ или Гермес – взял топор и, чтобы облегчить боль предводителя небожителей, разрубил ему голову. Из лба Зевса явилась богиня Афина в полном боевом снаряжении.

Какая это была богиня! Ее красота была отчужденной и холодной, взгляд, казалось, пронзал насквозь, и доспехи были нешуточные: золотой шлем, мощное копьё и крепкий щит. Ее

⁵ Литература, использованная при работе над разделом о греческой мифологии: Sue Blundell, *Women in Ancient Greece*; Michael Grant and John Hazel, *Who's Who in Classical Mythology*; R. Graves, *The Greek Myths*; A. W. Mair (перевод), *Callimachus and Lycophron*; Mary L. Lefcowitz and Maureen B. Fant, *Women in Greek Myth and Culture*; Sarah Pomeroy, *Goddesses, Whores, Wives and Slaves*; and William Smith (ред.), *Dictionary of Greek and Roman Biographies and Mythologies*. Имя каждого римского божества приводится в скобках после греческого. *Greece and Rome*; Deborah Lyons, *Gender and Immortality: Heroines in Ancient*

⁶ Blundell, 33, отмечает: «Ежегодное возрождение Геры как потенциальной невесты вполне можно рассматривать как событие, воссоздающее и заново утверждающее супружеские отношения».

⁷ Прометей в греческой мифологии был не богом, а титаном.

роль как воительницы, неукоснительно соблюдавшей дисциплину, и искусного стратега постоянно побуждала Афину вмешиваться в войну между греками и троянцами. Она пешей или конной являлась на поле брани и с воинственным кличем вступала в рукопашный бой, сплавивая греческих воинов и приводя в ужас троянцев. Афина была непобедимой воительницей, а ее храм – безупречное, возведенное из белого мрамора, холодное, как и она сама, здание – носит название Парфенон, что означает «Девственный», и поныне возвышается над Афинами.

Как и все греческие божества, Афина была далека от совершенства. Как-то раз во время состязания она поссорилась со своей подругой Палладой. Когда Паллада замахнулась на Афину, собираясь ее ударить, богиня стремительно бросилась на обидчицу и убила ее, а потом горько раскаивалась в том, что поспешила с ней расправиться. Другим примером ее морального несовершенства стала такая жуткая ревность к великолепным тканям, сотканным Арахной, что Афина ударила ее в лоб самшитовым челноком, после чего Арахна решила повеситься. Афина воскресила ее, но в облике паука, который бесконечно ткет свою паутину.

У Афины был ряд талантов, которые трудно определить иначе, чем профессиональные навыки женщины эпохи Возрождения. Ее почитали за мудрость в политике и домашних делах. Она умела объезжать лошадей и прекрасно на них гарцевала. Ей было многое известно о корабельном деле и колесницах, ей же приписывали изобретение флейты. (Тем не менее она ее выбросила, когда поняла, что игра на флейте искажает красивые черты ее лица.) Кроме того, она была покровительницей искусств и ремесел.

Девственность Афины, столь естественную для ее существования, нарушить было нельзя. Богиня могла быть тщеславной, ревнивой, мелочной и мстительной, но никогда, ни на мгновение она и мысли не допускала о том, что в ее личной крепости может быть пробита брешь.

...нет мне матери, –
Мужское все любезно, – только брак мне чужд;
Я мужественна сердцем, дочь я отчая⁸,

воскликает Афина, «Дитя, явившееся в доспехах из тела Зевса-Олимпийца, / никогда не вскармливавшееся во тьме утробы»⁹. Ее брат Гефест попытался изнасиловать богиню, когда та была у него в кузнице и заказывала новое оружие. Она в гневе отвергла его, и у него случилось семяизвержение ей на бедро. Афина вытерла вызывавшую у нее отвращение сперму шерстью, которую закопала в землю неподалеку от Афин, тем самым оплодотворив мать-землю, и вскоре та родила сына Эрихтония. Внезапно сменив гнев на милость, воинственная богиня смягчилась и согласилась воспитывать ребенка сама¹⁰. Неумолимая воительница, которая защитила бы свою девственность даже ценой собственной жизни, родившаяся без матери, при звуках детского лепета становилась образцом материнской заботы и нежности.

Кроме того, Афина с особой отчетливостью понимала, что вид ее обнаженного тела делает ее сексуально уязвимой. Ее восхитительное тело стало последним образом, который видел пророк Тиресий, поскольку после того, как он без всякой задней мысли случайно заметил, как она купалась в источнике, Афина его ослепила. (Позже она возместила ему потерю зрения, наградив даром пророчества или видений.)

Эти случаи, как и другие события, когда она отвергала предложения всех, кто стремился взять ее в жены, были связаны исключительно с тем, что невинности она придавала очень большое значение, но никак не свидетельствовали о том, что она плохо относилась к мужчинам.

⁸ *Эсхил*, «Эвмениды»; пер. Вяч. Иванова.

⁹ *Eumenides*, 736–749, 664–665, цит. по: *Blundell*, 28.

¹⁰ *Graves*, 96–97. И Афина, и Гефест стали жертвами розыгрыша: ему сказали, что Зевс послал ее в кузницу, полагая, что он займется с ней страстной любовью; Афина же, со своей стороны, не придавала значения намекам брата на то, что он выкует ей оружие, запросив за него цену любви.

Наоборот, она предпочитала их женщинам и помогла нескольким героям. И с отцом своим, Зевсом, она поддерживала мирные и нежные отношения.

Жизнь Афины была полна приключений. В качестве воительницы она действовала бесстрашно, храбро и хитро, как советница – тонко, мудро и остроумно, а с соперниками, особенно с женщинами, вела себя честолюбиво, темпераментно и импульсивно. Она гнала прочь чувственность как солдат – через физическое насилие, но при виде ребенка таяла от нежности. Однако самым главным для нее было то, что она сама определяла ход своей жизни.

Артемиды – дочь Зевса и богини Лето, имела много общего со сводной сестрой Афиной, включая девственность, которой очень дорожила с тех пор, как была еще совсем малышкой. Когда она сидела на колене отца Зевса, который укачивал ее, на него вдруг накатило чувство глубокой привязанности к дочери, и под влиянием момента он спросил ее, какие бы та хотела получить от него подарки.

«Позволь мне, отец, вечно хранить мою непорочность», – сразу же ответила Артемиды.

И дай мне лук со стрелами... а также и... тунику с вышивкой по краям длиной до колен, чтоб я могла охотиться на диких зверей. И дай мне шестьдесят океанид в мой хор – чтоб было им по девять лет и все чтоб были непорочны, но распоясаны; и дай ты мне в прислуги двадцать амнисийских нимф, чтоб за эндромисами¹¹ у меня следили, а когда я не охочусь на рысей и оленей, пусть холят и лелеют моих прекрасных гончих. И дай мне горы все... поскольку редко Артемиды нисходит в города¹².

И потом она как бы иронически пожелала вдогонку, чтобы к ней постоянно обращались женщины при родах, потому что тот факт, что мать родила ее без боли, использовали парки, чтобы сделать ее покровительницей родов.

Четкий и готовый перечень желаний Артемиды не был простой причудой девочки, которой в то время было года три. С самого начала она была такой же независимой и самостоятельной, как Афина. Жизнь, которую она для себя избрала, должна была проходить при непременном сохранении девственности. Первое условие, которое она поставила, состояло в том, чтобы все без исключения ее спутницы и подруги были непорочны. В отличие от Афины, Артемиды была бдительной и подозрительной девой и требовала от своих сторонниц неукоснительного соблюдения целибата. Она также побуждала их к этому – амазонки, например, которые преклонялись перед ней и стремились во всем на нее походить, были прекрасными лучницами и считали ниже своего достоинства находиться в компании мужчин.

Артемиды не знала жалости к мужчинам, неспособным соблюдать ее строгие правила. Лучшим примером тому служит уничтожение ею Ориона за попытку изнасилования¹³. (Ее отношение к трагической фигуре Ипполита, сына амазонки Ипполиты, было увековечено в трагедии Еврипида «Ипполит», о которой речь пойдет ниже.) Когда великан Титий попытался изнасиловать ее мать, она и ее брат Аполлон решили его убить.

Артемиды не испытывала сострадания и к женщинам. Когда живот ее любимой служанки Калисто, соблазненной Зевсом, стал округляться, свидетельствуя о ее беременности, жестокая Артемиды превратила ее в медведицу и натравила на нее свору ее же охотничьих собак.

¹¹ Эндромисы – сапоги без носка, в которых Артемиды часто изображалась на глиняных амфорах.

¹² *Mair*, 61.

¹³ *Lyons*, 91. Другая, менее распространенная, версия состоит в том, что Орион хвастался ей, превознося свое мастерство. Возможно, он пытался изнасиловать саму Артемиды.

Лишь вмешательство Зевса, вознесшего Каллисто на небеса, расстроило планы Артемиды предать служанку кровавой смерти.

Отношения Артемиды с женщинами складывались преимущественно на основе их жизненных циклов – месячных, потере девственности, рождении детей и смерти. Все эти события сопровождаются болью и кровотечениями – это та цена, которую Артемиды заставляет женщин платить, если те покидают ее мир непорочности¹⁴. А как покровительница родов она взимала еще более высокую плату – сильнейшие боли рожениц.

С Артемидой был связан обряд инициации афинских девочек в возрасте от пяти до десяти лет, которые проходили его в посвященном ей святилище в Вавроне. В течение года эти так называемые медведицы носили желтые платья, обучались «медвежьим» танцам, бегали наперегонки и искупали вину за смерть убитого юношами медведя, посвященного Артемиде. На протяжении года, посвященного этим обрядам и искупительным жертвам, «медведицы», видимо, выплачивали своего рода дань, которую Артемиды взимала с них перед тем, как позволить им производить потомство, что оправдывало сохранение ими девственности, которой они, видимо, вскоре должны были лишиться.

Другим важным занятием Артемиды были странствия по лесам и горам вместе с дикими зверями, когда она избегала встреч с людьми. Однако если ей случалось встречаться с охотниками, она становилась на их сторону против животных. Красота, уклончивость и окружавшая богиню тайна так влекли к ней речного бога Алфея, что он влюбился в нее без памяти и следовал по ее стопам по всей Греции. В конце концов Артемиды убедила его оставить надежды, которым не суждено было сбыться, таким образом: она и все ее нимфы вымазали себе лица белой грязью, Алфей не смог ее узнать и ушел несолоно хлебавши, осмеянный нимфами.

Гораздо более страшная судьба постигла юношу по имени Актеон, стоявшего у скалы, когда он заметил Артемиду, купавшуюся в протекавшем неподалеку ручье. Если бы тот успел убежать, пока она его не заметила, то, возможно, сохранил бы себе жизнь. Но богиня страшно разгневалась, поскольку он мог похвалиться, что видел ее обнаженной, и превратила юношу в оленя. В тот же миг его собственные охотничьи собаки разорвали Актеона на куски и сожрали.

В отличие от общительной Афины, Артемиды предпочитала более уединенный образ жизни, хотя ее всегда сопровождала группа нимф. Со многими другими молодыми женщинами, как и с мужчинами, она враждовала, и потому ее мачеха Гера порой над ней насмеялась: «Тебя лишь над смертными женами львицей / Зевс поставил, над ними свирепствовать дал тебе волю»¹⁵. Она заставила Агамемнона принести в жертву его первородную дочь Ифигению в обмен на попутный ветер во время его морской экспедиции против Трои. Вместе с братом-близнецом Аполлоном она убила всех двенадцать детей смертной Ниобеи, хваставшейся тем, что у нее больше детей, чем у матери Артемиды – богини Лето.

Навязчивое целомудрие Артемиды, занятие мужским делом – охотой, необузданная гордыня и жестокость мести ставят ее в один ряд с независимой и волевой Афиной. К ней относились как к неумолимой богине, с детства в грош не ставившей женские занятия и слабости. Ее девственность была так же опасна, как и ее гнев, и превращение маленькой дочурки Зевса в парящее на недосыгаемой высоте божество лишило ее большинства женских качеств.

Единственной непорочной богиней, ставшей в Греции образцом женских достоинств, была сестра Зевса Гестия. Как добропорядочные гречанки, Гестия проводила время дома, подерживая огонь, горевший на горе Олимп. Жизнь ее была размеренной и будничной – в ней

¹⁴ В Галах в Аттике на празднествах в честь Артемиды требовалось сделать надрез мечом на горле мужчины, чтобы вытекло несколько капель крови. *Blundell*, 29.

¹⁵ Гомер, Илиада; пер. Н. Гнедича. В английском издании: *Blundell*, 29, цит. по «Илиаде».

не было войн, борьбы или приключений, но ее постоянно почитали в Греции¹⁶ как божество, отвечающее за самую душу греческой жизни – семейный очаг.

Единственным отклонением Гестии от унылой предсказуемости жизненного пути было то, что она отвергла таких поклонников, как Посейдон и Аполлон. Гомер с любовью описывает ее историю:

... Не пожелала она, но сурово обоих отвергла.
Клятвой она поклялася великой – и клятву сдержала,
До головы прикоснувшись эгидодержавного Зевса,
Что навсегда она в девах пребудет, честная богиня.
Дал ей отличие прекрасное Зевс в возмещение безбрачья:
Жертвенный тук принимая, средь дома она восседает;
С благоговеньем богине во всех поклоняются храмах,
Смертными чтится она, как первейшая между богами¹⁷.

Как это ни парадоксально, но Гестия стала богиней семейной жизни и ценностей, отрекшись от того процесса, который ведет к созданию семьи.

Однажды домохозяйке Гестии пришлось дать отпор Приапу, который напился пьяным на празднике и попытался ее изнасиловать, когда она спала. Гестию спас осел, чей крик разбудил ее именно тогда, когда Приап уже склонился над распростертым телом богини. Испугавшись, она закричала, напугав неудачливого насильника, и в создавшейся комичной ситуации освободилась от его домогательств.

Афина, Артемида и Гестия составляли чрезвычайно могущественное трио, и их девственность давала им свободу, немислимую для тех, кто утрачивал непорочность. Афина и Артемида дерзали вторгаться в пределы мужских прерогатив, таких как война и охота, и благодаря большой физической силе, подкрепленной оружием, опытом, решимостью и храбростью, господствовали в своих мирах. Афина наблюдала за городами, Артемида курировала сельскую жизнь, а Гестия контролировала жизнь домашнюю.

Черты сходства и различия богинь и реальных женщин Греции очевидны. Девственность была очень важна для невесты, но не для жениха, однако пожизненное соблюдение целибата редко рассматривалось с одобрением. Самая большая загадка – холостяцкий образ жизни Гестии, и греки, возможно, понимали это не как вызов традиционной роли женщины, а как необходимость сохранения стабильности их мира и мира богов. Замужние женщины всегда переходили к домашнему очагу супруга, поэтому единственной возможностью для Гестии остаться дома на горе Олимп был отказ от брака.

Афина и Артемида расплачивались сексуальностью, доставлявшей такое наслаждение их мужскому окружению, за неопределимые преимущества образа жизни, позволенного лишь мужчинам. Им приходилось отказываться от брака и материнства, составлявших удел смертных женщин, а также они сознательно противились изнасилованию – обычной судьбе, уготованной женщинам, которые нравились богам мужского пола.

Свобода богинь от сексуальных страстей и, прежде всего, от мужчин, возбуждавших эти страсти, вызвала к ним доверие обычных женщин, поклонявшихся этим созданиям и почитавшим их. Целибат не сулил смертным женщинам никаких наград, кроме тяжелого труда и презрительных слов братьев и отцов, которые должны были их кормить. А если все-таки у них оставались еще какие-то иллюзии о подражании Афине или Артемиде, их вразумил бы совет Сократа по вопросу о том, как обращаться с незамужними женщинами: заставлять их работать

¹⁶ А позже – уже как Весту – во всей Римской империи.

¹⁷ Гомер, Гимн к Афродите; пер. В. В. Вересаева. В английском издании: *Pomeroi*, 6, цит. Гомер, «Гимн 5: к Афродите».

как рабынь – так говорил мудрец. Безвыходность их собственного положения, должно быть, еще более ярко рисовала в их воображении восхитительную независимость вольной жизни богинь. Но для простых женщин Греции притча о том, что девственность и независимость – равноценные понятия, была справедлива лишь тогда, когда речь шла о божествах.

Мифологические девственницы

В греческой мифологии девственницам также уделялось большое место. Иногда они ассоциировались с божествами, иногда лишь со смертными. К их числу относились девственницы, занимавшиеся охотой, девственницы, сохранившие невинность благодаря превращениям, изнасилованные женщины, пророчицы и жрицы, жертвенные девственницы и даже трое совсем неожиданных представителей этой категории – девственные мужчины. Большая часть преданий о них связана с испытаниями, которые им пришлось преодолеть ради сохранения невинности в борьбе против изощренных интриг похотливых богов, которые только о том и думали, как бы совратить девственниц и уложить в постель тех из них, которые этому противились.

Одно из самых удивительных преданий посвящено героине древнегреческой мифологии Аталанте. Отец бросил ее на произвол судьбы сразу же после рождения, но ее спасла и выкормила медведица, а позже воспитали охотники. Неудивительно поэтому, что со временем Аталанта оказалась их всеобщей любимицей. Она стала замечательным охотником, прекрасным стрелком и спортсменкой, которая почти всегда побеждала в состязаниях соперников-мужчин, даже в рукопашной борьбе. Прекрасная и непорочная героиня стремилась сохранить девственность с такой же решимостью, как Артемида, а однажды даже убила стрелами из лука двух кентавров, покушавшихся на ее честь.

Слава Аталанты распространилась, пока не достигла ее отца, решившего воспользоваться своим отцовским правом и приказавшего ей выйти замуж, несмотря на то, что он избавился от нее во младенчестве. Аталанта оказалась в безвыходном положении – ей пришлось согласиться, но при этом она выдвинула условие о том, чтобы ее кавалеры соревновались с ней в беге. Она пообещала выйти замуж за первого мужчину, который ее победит, а всех проигравших – убьет. Девушка была настолько очаровательна, что многие молодые люди решили рискнуть, но в состязании с ней в беге потеряли жизни, хотя они бежали голыми, а ей мешали одежды, а порой и оружие.

Один лукавый юноша втайне договорился с Афродитой о том, что та поможет ему победить Аталанту хитростью, потому что обогнать ее он не мог. Когда они начали состязание, он бросал по дороге дар Афродиты – три золотых яблока, и Аталанте пришлось замедлять бег, чтобы поднимать их с земли, а юноше это дало необходимое время, чтобы одержать победу. После этого с непорочностью Аталанты должно было быть покончено – ей надлежало незамедлительно выйти замуж и лишиться девственности. Но молодожен был настолько влюблен в новобрачную, что стал заниматься с Аталантой любовью в храме, тем самым нанося оскорбление Афродите. Афродита разгневалась и превратила молодую пару во львов.

Кардеа – другая девственница, как и Артемида занимавшаяся охотой, обожала дразнить мужчин, обещая встретиться с ними в пещере, а потом сбегала от них. Но эта проделка не прошла у нее с Янусом – двуликим богом, который поймал ее, не дав ей ускользнуть, и лишил невинности. Дафна тоже была хорошим охотником, ей удалось сохранить непорочность, но слишком высокой ценой. Перевязав на голове густые волосы лентой, чтобы не мешали, Дафна любила охотиться в лесной чаще. Когда отец сказал ей, что пора выходить замуж и рожать ему внуков, она взмолилась: «Позволь мне, дорогой отец, навсегда остаться девой!»

Но ее полюбил царский сын, который переоделся женщиной, чтобы втереться в доверие и быть рядом с нею. Однако Аполлон, тоже равнодушный к Дафне, стал ее ревновать и внушил

охотнице мысль о том, что неплохо было бы искупаться. Когда молодой человек отказался снять одежду, его раздели девушки из свиты Дафны. Увидев половой член юноши, Дафна его убила.

В другом мифе о Дафне в борьбе за ее благосклонность соперничали Аполлон и Эрос. В отместку за обидное замечание Эрос поразил Аполлона и Дафну стрелами, причем стрела, поразившая Дафну, сделала ее невосприимчивой к любви, а та, что ранила Аполлона, заставила его сгорать от желания при мысли о Дафне. «Ты только подумай о том, кто тебя полюбил, – пытался убедить ее Аполлон. – Я ведь не какой-то крестьянин с гор; я не пастух неотесанный, который следит за своим стадом». Дафну его уговоры не трогали, она сбежала от его упорных домогательств, одежды соблазнительно облегли ее стройный стан, густые волосы развевались на ветру. Аполлон бросился за ней вдогонку, дыша ей в спину. «Помоги мне, отец, – кричала она речному богу. – Измени мой облик, лиши меня красоты, которая, мне на горе, оказалась такой привлекательной!»¹⁸. Желание ее тут же исполнилось. Руки и ноги у нее затвердели, груди покрыла кора, волосы превратились в листья, а красивое лицо стало верхушкой лаврового дерева. Хоть ее человеческий облик был утрачен, девственность она сохранила навсегда.

Бегству Немезиды от ее поклонника Зевса сопутствовали многочисленные метаморфозы – она нырнула в воду и превратилась в рыбу, а он последовал за ней в образе бобра; она вышла на берег, обернувшись зверем, и он тоже оказался зверем, но более быстроногим; она взмыла в небо дикой гусыней, а он овладел ею, превратившись в лебедя. Она лишилась девственности, а из яйца, которое она снесла, вылупилась Елена Троянская.

Греческие боги были изрядными распутниками и во многих изнасилованиях нередко выступали под иной личиной. Зевс превратился в быка, чтобы уплыть с Европой в море, потом стал орлом, чтобы лишить ее девственности. То же самое сделал Аполлон, чтобы совратить Дриопу, сначала обернувшись черепахой, которую она ласкала и гладила, а потом изнасиловавшей ее змеей. Посейдон оказался еще более изобретательным. Он принял обличье речного бога, в которого была влюблена его жертва Алкидика, и изнасиловал ее в океане.

В одном язвительном мифе кумская сивилла Дейфоба попросила у Аполлона подарить ей столько лет жизни в обмен на то, чтобы с ним переспать, сколько пылинок помещалось у нее в горсти. Но она забыла попросить его, чтобы он даровал ей вечную молодость, и отказалась выполнить обещание, данное Аполлону. В отместку он выполнил свое обещание в прямом смысле слова. Когда ей исполнилось триста лет, она стала такой старой и ссохшейся, что помещалась в бутылки, свисавшей с потолка ее пещеры. «Я хочу умереть», – теперь стало ее новым несбыточным желанием¹⁹.

Одним из трех мифических девственников-мужчин был Нарцисс, такой красивый, что к нему испытывали вожделение как мужчины, так и женщины. Он всех их отвергал до тех пор, пока одна озлобленная нимфа не обратилась к Немезиде или Артемиде, заставившей Нарцисса взглянуть на собственное отражение в воде. Глядя на него, он все сильнее влюблялся в самого себя, пока эта страсть не овладела его телом. Так он и умер, превратившись в цветок нарцисс.

Содержание этих мифов удивительно напоминает сюжеты мыльных опер, всесторонне обыгрывающих и бесконечно повторяющих одну и ту же тему – сексуальное влечение бога к непорочной деве, сложное положение, в которое попадает девственница, отвергая его домогательства, и развязку, почти всегда сводящуюся к поражению целомудренной девушки. Оптимистичными эти истории не назовешь, скорее то были поразительные, смущающие рассказы об отношениях богов и смертных в самой животрепещущей сфере – сфере плотского сладострастия. Сами боги меньше всего ценили непорочность и преследовали девственниц, которых стремились совратить. Невинные девушки храбро им противостояли, но обычно успех был не

¹⁸ *Smith*, 166–168.

¹⁹ *Grant and Hazel*, “Sibylla or Sibyl”.

на их стороне, поэтому в большинстве мифологических сюжетов на эту тему мы видим падших женщин, чью девственность отняли боги, применявшие изобретательные методы обольщения и более грозное оружие.

Греческая литература

Ипполит против любви

20

Миф о стойком девственнике Ипполите, увековеченный в трагедии Еврипида, посвящен представлению греков о любви. Они рассматривали ее не так, как позже воспринимали ее христиане – как низменное следствие похоти, которую каждый должен стремиться в себе подавить, а скорее как следствие прихоти или желания Афродиты. Лишь три богини не были этому подвержены – девственные Афина, Артемида и Гестия. Трагедия Ипполита состояла в том, что он противился Афродите, поскольку, как замечал Платон: «Никто не должен противиться любви, а идти против богов – значит, идти против любви»²¹.

Ипполит был молодым охотником, преданным Артемиде, хотя, как сам он говорит нам словами Еврипида: «Я чту ее, но издали, как чистый»²². Афродита жаловалась:

Из всех один меня в Трезене этом
Тесеев сын, надменный Ипполит,
Могучею рожденный Амазонкой
И благостным Питфеем воспоен,
Последнею расславил в сонмах дивных.
Он радостей и уз любви бежит,
А меж богов сестры милее Феба
И Зевсовой нет дочери ему...
И с чистою среди зеленой чащи
Не знает он разлуки. Своры он
По зверю там гоняет с нею рядом,
Сообществом божественным почтен...²³

Непорочность Ипполита воспринималась как ненормальное состояние для мужчин, поскольку девственность считалась женским качеством, но его погибшей матерью была Антиопа – царица амазонок, женщин-воительниц, отрезавших себе одну грудь, чтобы проще было натягивать лук, и отрекавшихся от мужского общества при вступлении в вооруженные отряды, состоявшие исключительно из женщин. Ипполит разделял взгляды амазонок на целомудрие, их отвращение к женской похоти и гневался:

О Зевс! Зачем ты создавал жену?
И это зло с его фальшивым блеском
Лучам небес позволил обливаться?
... Так будьте же вы прокляты! Ни в веки
Я не скажу, что ненавижу женщин
Сильнее невозможно, и меня

²⁰ Цитаты из трагедии Еврипида «Ипполит» приведены в переводе Gilbert Murray. Другими источниками этого раздела являются: Plato (перевод R. Waterfield), *Symposium*; and F. I. Zeitlen, *Playing the Other*.

²¹ Plato, 20–30.

²² Здесь и далее: *Еврипид*, «Ипполит»; пер. И. Анненского.

²³ Euripides, 4–5.

Пускай зовут хоть взбалмошным, покуда
Все те ж оне. О смертные, иль жен
Исправьте нам, иль языку дозвольте
Их укорять, а сердцу проклинать²⁴.

История Ипполита одновременно проста и запутанна. Афродита решила наказать его за тайную приверженность целибату и высокомерный отказ от любви. С присущей олимпийцам порочностью в качестве инструмента возмездия она решила использовать его мачеху Федру, заставив ее потерять голову от любви к сыну своего мужа. Бедная Федра была достойной женщиной, и страсть, наполнившая ей сердце, овладела всем ее существом, так что она не могла ни есть, ни говорить о том, почему тает на глазах.

<Вот> притча о царице и ее печали:
Ложу скорби судьбой отдана,
Больше солнца не видит она,
И ланиты с косою золотою
За кисейною прячет фатою.
Третий день уж наступает,
Но губам еще царица
Не дала и раствориться,
От Деметры дивной брашна, Все неведомой томится
Мукой, бедная, и страшный
Все Аид ей, верно, снится²⁵.

В конце концов старая кормилица Федры, ужаснувшись при мысли о том, что ее госпожа умрет, выпытала ее греховный секрет. После этого кормилица попыталась вступить за нее перед Ипполитом, но последствия этого шага оказались ужасными. Вместо того чтобы смягчиться, он обрушился на Федру с яростными нападками, так сильно ее унижая, что та покончила жизнь самоубийством. Однако перед смертью она оставила своему мужу Тесею послание, в котором обвиняла Ипполита в том, что он над нею надругался.

У опечаленного вдовца не было причин не верить последним словам жены, и он с яростью набросился на сына, который, как он считал, предал его. Ипполит снова и снова это отрицал: «Взгляни вокруг на землю, где ступает / Твоя нога, на солнце, что ее / Живит, и не найдешь души единой / Безгрешнее моей... Я брака не познал и телом чист»²⁶. Но Тесей продолжал заблуждаться и проклял Ипполита, кони которого, испуганные вышедшим из моря быком, понесли, и он разбился насмерть. Отказавшись от хомута брака, Ипполит был убит хомутом собственных коней – так жестоко подшутила над ним Афродита. Перед смертью Ипполита появилась Артемида и сказала Тесею правду о его жене: «Ее Эрот / Ужалил сердце тайно, и любовью / К царевичу царица запылала: / Богиня так хотела, что для нас, / В невинности отраду находящихся, / Особенно бывает ненавистна»²⁷.

Предсмертные слова Ипполита обращены к богам: «Увы! Увы! / Их наши-то проклятья не достигнут...»²⁸. Артемида утешала его, обещая возмездие, а еще она даровала своему приверженцу культ, при котором непорочные девушки, поклоняясь ему, срезают локоны волос.

²⁴ Euripides, 34–35.

²⁵ Euripides, 9.

²⁶ Там же, 52.

²⁷ Там же, 67.

²⁸ Там же, 72.

Ипполит умер, одержав победу над Афродитой, – он сохранил целомудрие и заручился поддержкой Артемиды в отпущении за его безвременную кончину.

Какие уроки могли извлечь многочисленные восторженные поклонники Еврипида из его трагедии «Ипполит»? Им не нужно было разьяснять сюжеты с Афродитой и любовью, у них не было причин разделять твердое стремление Ипполита к сохранению целомудрия, столь необычного и странного для мужчины. Они могли понять его побудительные мотивы – почтение к могучей Артемиде, но им было ясно и то, что он равным образом навлек на себя гнев Афродиты, причем они наверняка оценили черный юмор, с которым богиня ему отомстила. Любовь и похоть оказались соединены неисповедимыми путями Господними. Правда, греки не проводили четких различий между двумя этими понятиями, называя их одним словом – любовь, повиновавшаяся причудам Афродиты.

Лишь старая кормилица истолковывала любовь в чисто чувственном плане: «Не надо, чтоб люди так сильно друг друга / Любили. Пусть узы свободнее будут, / Чтоб можно их было стянуть и ослабить, / А так вот, как я эту Федру люблю, / Любить – это тяжкое бремя. На сердце / Одно, да заботы, да страхи двойные»²⁹. Что же до всех остальных, то любовь – это зуд в чреслах, непорочность – девичий удел, а целомудренный молодой охотник обречен на неизбежное и беспощадное возмездие за то, что осмелился бросить вызов могущественной богине³⁰.

Ультиматум Лисистраты

31

В комедии Аристофана «Лисистрата» целибат рассматривается совсем в другом ракурсе – обычные смертные женщины были возмущены тем, что Пелопоннесская война между Афинами и Спартой продолжалась уже больше двадцати лет. В популярной пьесе повествовалось о бурной повседневной стороне жизни греческого народа, когда гречанки, созданные жительницей Афин Лисистратой, в противовес традиции захватили контроль над военно-политическим положением, организовав сексуальную забастовку, которая ущемила интересы их супругов.

«Так вместе мы поможем элинам, – сказала Лисистрата делегации женщин из Афин, Спарты и других враждовавших городов-государств, в качестве оружия предложив – шафрановые платочки, полутуфельки, духи, румяна и кисейные платица»³².

Когда сидеть мы будем надушенные,
В коротеньких рубашечках в прошивочку,
С открытой шейкой, грудкой, с щелкой выбритой,
Мужчинам распаленным ласк захочется,
А мы им не дадимся, мы воздержимся.
Тут, знаю я, тотчас они помирятся.

²⁹ Euripides, 14.

³⁰ Кроме обаяния у Афродиты был еще волшебный пояс. Любой, кто его надевал, автоматически становился объектом любви. Даже Зевс, самый могущественный из всех богов, не мог противиться чарам Афродиты. Гера одолжила волшебный пояс, чтобы привлечь его внимание и тем самым отвлечь от Троянской войны.

³¹ Цитаты из комедии Аристофана «Лисистрата» приведены по: *Three Plays by Aristophanes* (перевод Jeffrey Henderson). Другими источниками этого раздела являются: R. L. Fowler, “How the *Lysistrata* Works”; and Aline Rousselle (перевод Felicia Pheasant), *Porneia*.

³² Здесь и далее: Аристофан. Лисистрата; пер. А. Пиотровского.

Но женщины пришли в ужас. «Я не согласна! Дальше пусть идет война! – сказала Клеоника. – В костер я рада прыгнуть. Но не это лишь! Всего страшнее *это*, о Лисистрата!»³³

«О род наш женский, подлый, распрюбленный! – жалуется Лисистрата³⁴. – Так правду говорят о нас трагедии: / Лишь Посейдон нам нужен и челнок его»³⁵.

После этого спартанка Лампито так сказала ей на ломаном греческом языке: «Трудно, трудно, друг, / Без мужа ночью на постели женщине, / Но будь что будет! Мир нам тоже надобен».

В итоге был принят план Лисистраты занять Акрополь и там ждать. В этом женщины дали коллективную клятву:

Вот я клянусь, ни мужа, ни любовника
Не утолять желаний.
При муже буду жить невинной девушкой,
В шафрановой рубашечке, нарядная,
Чтоб в муже распалить хотенье страстное,
Но добровольно мужу не отдамся я.

Но ожидание было слишком долгим, женщины становились все более раздраженными. В конце концов Лисистрата сказала: «Взбесились по мужчинам наши женщины!» Ее сподвижницы в нерешительности хотели украдкой вернуться домой. Лисистрата одержала над ними верх и заперла женщин изнутри, убедив их быть солидарными с ее планом использования своих тел как оружия, с помощью которого они смогли бы навязать свое решение в военно-политической области, где женщины, в принципе, вообще ничего не решали. Поэтому соблюдение целибата стало для них столь же важным, сколько трудным.

Мужчинам тоже было очень нелегко. «О горе, горе! Что за схватки страшные! / Какие рези! Как на дыбе рвут меня!» – стонал один муж, которому жена отказала в доступе к телу.

Несчастный я! Женой замучен до смерти!
Дразнила, изнурила и оставила.
Ах, куда мне спешить и кого мне любить?
Та, что мне всех милей, обманула меня.
Как ребеночка мне без жены прокормить?
...Кормилицу найди мне!³⁶

Военный представитель Спарты во многом был на него похож. Когда он прибыл, всем была видна его эрекция. Его спросили, что там у него такое, и он ответил: «Трость лакедемонская!» Но в итоге он сказал правду, признавшись афинянину в том, что спартанцы «как со свечами бродят, спотыкаются».

Стратегия Лисистраты вскоре завершилась успехом. Мужчины настолько отчаянно нуждались в сексуальных отношениях, что через шесть дней воздержания начали переговоры о заключении почетного мира. По выражению афинского посла, все они пришли к одному и тому

³³ В английском переводе вместо слов «Всего страшнее *это*, о Лисистрата!» идут слова: «скорее *это*, чем отказаться от мужского члена».

³⁴ В русском переводе эти слова говорит Миррина.

³⁵ В английском переводе вместо слов «Так правду говорят о нас трагедии: / Лишь Посейдон нам нужен и челнок его» сказано: «Нет ничего удивительного в том, что мужчины пишут о нас трагедии».

³⁶ В английском переводе этот текст звучит так: «Что мне делать *теперь*? С кем мне переспать? / Меня провела самая соблазнительная девица из тех, кого я знал! / Как мне поднять и поставить этот осиротевший член? / ...Мне нужно взять ему напрокат няньку».

же неоспоримому мнению: «а именно, надо жить половой жизнью». Пелопоннесская война в комедии наконец завершается³⁷. По мнению Аристофана и его восторженной аудитории, в греческих браках целибат был невообразим.

И они были правы. Девственность осталась исключительным уделом девушек, а мужчины и боги значительную часть своей энергии уделяли соvrращению, несмотря на то что насильникам грозило жестокое наказание вплоть до смертной казни. За исключением некоторых философов и их последователей, сама идея целибата в браке представлялась смехотворной, как прекрасно было известно автору комедий Аристофану. И действительно, некоторые, как правило состоятельные и женатые, мужчины спали не только со своими женами, но также с проститутками, рабынями и мальчиками. Ради развития сюжетной линии, а также поскольку простые греки – работники, мастеровые, рыбаки, составлявшие основную часть его аудитории, – редко хотели или могли себе позволить подобные развлечения, Аристофан эти возможности проигнорировал³⁸.

Особенно забавным такой сюжетный поворот с целибатом выглядел потому, что его инициатором выступили женщины. В Древней Греции считалось, что женщины более похотливы, что они не в состоянии сдерживать сексуальное влечение, если их жестко не ограничивать, постоянно за ними не следить, не заставляя жить на женской половине дома и не выдавать замуж сразу же по достижении половой зрелости. С другой стороны, мужчины полагали, что собственную похоть, как и все остальные желания, они могут подавлять с помощью своей хваленной самодисциплины. Зевс и Гера однажды завели об этом спор и решили обратиться с вопросом к прорицателю Тересию, в прошлом обладавшему качествами как мужчины, так и женщины. Представительницы прекрасного пола, ответил Тересий, испытывают девять десятых удовольствия от полового акта, оставляя партнеру-мужчине лишь одну десятую его часть³⁹. Изменение гендерных ролей, к которому прибегает Аристофан, было точно рассчитанным планом, призванным снискать широкое признание его аудитории. Что это такое – похотливые женщины решили прибегнуть к целибату? Надо же, как у Аристофана разыгралось воображение!

С начала и до конца комедии диалоги усиливают впечатление о жертве, на какую пошли женщины. Их разговоры изобилуют непристойностями, они постоянно говорят о сексе и своих телах. Афинские женщины бесстыдно язвительны, когда судачат о подругах своих врагов. «А что за груди! Твердые и круглые!» – говорят они о мускулистой спартанке; а о крупной представительнице Беотии их мнение таково: «В час добрый, беотиянка! / Прекрасны нивы ваши»⁴⁰. «И пощипаны / Порядочно. Гречиха гладко выбрита»⁴¹, – добавил кто-то. А коринфянка представлена как женщина, наделенная содержанием: «Да уж конечно, добрая. / Сейчас же видно по тому и этому»⁴².

В тексте также много каламбуров о сексуальных позициях, любовниках и о том, что сегодня мы называем сексуальными игрушками. Предпочтительной позицией было проникновение сзади – в анальное отверстие или во влагалище, поэтому в клятву соблюдать целибат, данную женщинами, были включены такие слова: «Не встану, словно львица над воротами...»⁴³. В греческих домах многие предметы домашнего обихода имели рукоятки в форме

³⁷ На самом деле она продолжалась еще семь лет, до 404 г. до н. э.

³⁸ Fowler, 245–249.

³⁹ Dover, 159.

⁴⁰ В английском переводе этот текст звучит так: «Она, конечно, *такая же, как* Беотия, клянусь Зевсом, со своей пышной откляченной поймой».

⁴¹ В английском переводе этот текст звучит так: «Да, действительно, ее куст <игра слов – bush имеет несколько значений, в частности “куст” и “густые волосы”> элегантно подстрижен».

⁴² В русском переводе вместо выражения «содержательная женщина» (woman of substance) сказано: «добрая девчоночка». В английском переводе вместо «Сейчас же видно по тому и этому» сказано: «Вполне содержательная, как спереди, так и сзади».

⁴³ В английском переводе этот текст звучит так: «Я не встану в низкую стойку как львица перед теркой для сыра».

припавших к земле животных, постоянно напомиравших женскую сексуальную позицию. А одна женщина печалилась о том, что вот уже некоторое время «И пальчика из кожи я не видела, / В печальной доле вдовьей утешителя»⁴⁴. Мы все знаем, тем самым говорил Аристофан, что гречанки невероятно похотливы, и потому его притча о celibате еще в большей степени противоречила здравому смыслу.

⁴⁴ В английском переводе этот текст звучит так: «Я не видела даже дилдо длиной в шесть дюймов, который мог бы служить утешением, хоть он и мал». *Lysistrata*, строки 114–115. *Rousselle*, 65, отмечает, что иногда неудовлетворенные греческие матроны прибегали к помощи кожаных пенисов.

Классические ритуалы

Тесмофории

45

Греческие матроны лишь издали могли наблюдать за целибатом своих богинь и мифологических героинь. И тем не менее раз в год они соблюдали целибат, в течение всего лишь трех дней, во время ежегодного религиозного праздника *Тесмофории*⁴⁶, который играл большую роль в городах-государствах, – именно он освобождал этих достойных матерей семейств от сексуальных отношений с мужьями. *Тесмофории* проводились каждую осень в Афинах и некоторых других полисах накануне посевной в честь Деметры – богини плодородия и земледелия. Проведением праздника руководили две женщины, скорее всего принадлежавшие к высшим слоям общества. Мужчины к празднованию категорически не допускались⁴⁷, а его участницы соблюдали трехдневный целибат, что подчеркивало уникальный характер *Тесмофорий* в развратных греческих городах, где господствовали мужчины.

Тесмофории проводились на холме Пникс, где по другим случаям на демократические собрания собирались афинские граждане (только мужчины). В первый день – путь наверх, женщины собирались в процессию и поднимались на холм, захватив с собой священные предметы. Достигнув открытого места – Тесмофориона, рядами устанавливали себе примитивные навесы. Сидели и спали собравшиеся на ивовых прутьях, поскольку ива считалась непорочным деревом, которое, как говорили, успокаивает половое влечение⁴⁸. Женщины не пользовались никакой косметикой и не украшали себя драгоценностями. Одеты они были в простые туники без вышивки.

Второй день был временем поста, воздержания и умеренности. От соблюдения поста дыхание и мокрота матрон становились настолько затхлыми, что воздух на Тесмофорионе начинал смердеть, составляя лишнюю гарантию соблюдения сексуального воздержания. Этот день поста был данью памяти горю мифологической богини, печалившейся о потере дочери, а также скорби по временам седой древности, когда люди еще не знали земледелия.

Третий день, исполненный радости, был посвящен носительнице прекрасного потомства – для женщин это был праздник плодородия и их собственной плодовитости, которую стимулировал временный целибат. Они приносили жертвы и пировали. Видимо, именно в этот день принимались за работу черпальщицы. Еще до начала празднества эти три женщины, прошедшие обряд очищения трехдневным воздержанием от половой жизни, хоронили там поросят и восковые фигурки змей и мужских гениталий. Позже, в ходе праздника *Тесмофорий* черпальщицы выкапывали и доставали разложившиеся останки. Их клали на алтари и смешивали с ритуально выращенным посевным зерном, что должно было способствовать повышению будущего урожая.

Тесмофории были праздником, уникальным в нескольких отношениях. В нем участвовали лишь замужние женщины, девушки к участию в нем не допускались. Это был единственный праздник, требовавший от мирянок соблюдать целибат как во время подготовки к нему, так и в ходе его проведения. Мужчины даже близко к этому празднеству не допускались, и

⁴⁵ Источниками раздела о празднествах «Тесмофории» и «Бона Деа» являются: Sue Blundell, *Women in Ancient Greece*; Babette Stanley Spaehl, *The Roman Goddess Ceres*; and H. S. Versnel, *Transitional Reversal in Myth and Ritual*.

⁴⁶ Праздник в честь Деметры, прозванной Тесмофорой (Законодательницей).

⁴⁷ На другом ночном празднестве в честь Деметры отгоняли даже псов.

⁴⁸ Это дерево принадлежит к семейству ивовых и пахнет почти как перец.

достойные матери семейств нередко повторяли кровавый миф о том, что в древности во время *Тесмофорий* женщины с перемазанными кровью лицами мечами кастрировали царя Батта, поймав его, когда он за ними подглядывал. Однажды реальный мужчина – Аристомен из Мессении, подкрался слишком близко к месту проведения праздника, и участвовавшие в нем матроны пленили незваного гостя, используя в качестве оружия жертвенные ножи, вертелы и факелы.

Другой отличительной чертой *Тесмофорий* было то, что всех участниц праздника называли *мелиссаи* – пчелы, из-за мифологического сотрудничества богини с царем пчел Мелисеем. Греки неизменно восхищались простотой образа жизни и трудолюбием пчел, а также тем, что они питали отвращение к измене, которую карали нападением на изменника или тем, что улетали от него. Во время *Тесмофорий* греческие матроны преображались в *мелиссаи* – воздерживавшихся от сексуальных отношений девственных пчел.

Учитывая подчиненное положение женщин в греческом обществе, *Тесмофории* предоставляли им исключительную возможность на три дня отвлечься от повседневной жизни, позволяя матерям семейств покидать дома и не исполнять рутинные домашние обязанности; собираться вместе; сознательно не заботиться о внешнем облике; не думать о затхлом запахе изо рта, отпугивавшем любопытных мужчин; в разговоре употреблять грубые и даже запретные выражения, свойственные лексикону мужчин, какие использовали вымышленные женщины «Лисистраты». Значение этого праздника состояло еще и в том, что он опровергал представление о распутности и легкой подверженности страстям женщин, которых никто не охранял и не делал из них затворниц. *Мелиссаи* не изолировали и не контролировали, но, несмотря на несвойственное им состояние целибата и общение с другими женщинами, они выполняли важнейшие ритуалы, связанные с плодородием, которыми мужчины не осмеливались пренебрегать. Иначе говоря, воспользовавшись преимуществами этого временного целибата, чтобы отдохнуть от тяжелых повседневных домашних трудов, власти мужей и строгих ограничений их повседневного бытия, замужние женщины заново утверждали для себя собственное значение в обществе. И в заключение следует отметить, что после жертвоприношений и посадки семян матроны прерывали свое непродолжительное товарищество и возвращались обратно к привычному для них подневольному состоянию в женской части дома. Их ритуальное бегство в целибат ради земледельческого плодородия завершалось до следующего года.

Благая богиня

Матроны Древнего Рима, религия которого очень походила на древнегреческую, отмечали праздник, напоминавший *Тесмофории*. Праздник Благой богини, или *Бона Деа*, был ежегодной данью римлянок древней и щедрой матери-земле. Каждый год в декабре в распоряжение Благой богини передавался дом магистрата, причем за день до этого оттуда не только уводили всех мужчин и животных мужского пола, но даже выносили произведения искусства, на которых таковые были изображены. Внезапно ставшая соблюдать целибат жена магистрата и служанки украшали весь дом растениями и цветами, чтобы он стал похож на сад или беседку. Лишь мирт, растение, посвященное Венере – богине любви, предусмотрительно оттуда убирался. Поскольку на время праздника предусматривалось строгое воздержание от половой жизни, такого рода растению там было не место. Хозяйка также готовила стол с деликатесами для Благой богини, чье культовое изображение переносилось туда из храма.

Скромно одетые в пурпурные мантии, туда приходили матери семейств, но, в отличие от *Тесмофорий*, в которых запрещалось принимать участие девушкам, в качестве гостей и для помощи в проведении некоторых ритуалов римлянки приглашали туда знаменитых непорочных дев – весталок. На празднике проводились кровавые жертвоприношения – от имени народа Рима там убивали и зажаривали свинью. После этого хозяйка вместе с весталками над огнем

совершала возлияния. Потом женщины веселились под музыку, причем позволяли себе такое, что в другое время им запрещалось, – омывали мясо вином, которое обычно им нельзя было пить, и при этом отпускали такие скабрзные шутки, которые были свойственны языку их мужчин.

Праздник Благой богини был посвящен плодородию, достигавшемуся лишь ежегодным перераспределением ролей, когда женщины изгоняли из своей жизни мужчин и сами выполняли свойственные их мужьям функции – забивали скот, пьянствовали, сквернословили и непристойно себя вели. Женщины столь ревностно относились к своему празднику, что, когда переодетый женщиной трибун захотел к ним присоединиться, они стали его преследовать, и ему удалось избежать кары только с помощью девушки-рабыни, которая помогла ему скрыться.

Целомудрие, соблюдавшееся женщинами, имело двоякое значение. С одной стороны, оно символизировало буйную плодovitость, как следствие временной непорочности, а с другой – освобождало их от домогательств мужей – как сексуальных, так и касавшихся работ по дому. Во время праздника Благой богини весталки выполняли функцию связующего звена с божественным началом, и их собственная временная невинность гарантировала незыблемость Рима, символом которой были ежегодные праздники плодородия, создававшие им условия для самовыражения.

Культ Иси́ды

49

Целибат был присущ и древнему египетскому религиозному культу Иси́ды, позже получившему распространение в греко-римском мире. Эта великодушная богиня⁵⁰, перенесенная в эллинистический Рим, нашла там широкую поддержку среди тех, кого привлекали к ее культу духовные и физические аспекты любви. Она регулярно являлась людям во сне, призывая их к соблюдению ее ритуалов.

В культе Иси́ды в Египте некоторые женщины исполняли функции жриц, а в Греции – вспомогательных ее служительниц. Женщин в культовые общества допускалось значительно меньше, чем мужчин, но храмовые и другие записи свидетельствуют о том, что в Афинах и в Риме – крупнейших культовых центрах, принимали больше женщин, чем в других областях, и культ Иси́ды привлекал их больше, чем любая местная религия. В Греции двумя факелоносицами и двумя толковательницами снов также были женщины.

Культ Иси́ды объединял особенно большое число светских приверженцев, которых можно разделить на три группы: простых верующих; ревностных поборников веры, строго соблюдавших присущие культу обряды под предводительством жрецов; и тех, чьи функции были настолько важны, что люди нередко путали или приравнивали их к жрецам. Женщины оказывались на этом высшем уровне крайне редко.

Иси́да была относительно целомудренной богиней, и святые отцы раннего христианства, такие как Климент и Тертуллиан, восхваляли ее непорочных последовательниц и жриц. Культ богини носил умеренно аскетический характер и, насколько известно, не имел сексуальных символов. Его приверженцам полагалось стричь волосы и носить скромные льняные одеяния.

⁴⁹ Источниками разделов о культе Иси́ды, Дельфийском оракуле и особых девственницах являются: Apuleius (ред. J. G. Griffiths), *The Isis Book*; Sue Blundell, *Women in Ancient Greece*; Walter Burkert, *Ancient Mystery Cults*; Michael Grant and John Hazel, *Who's Who in Classical Mythology*; Robert Graves, *The Greek Myths*, Vol. I; Sharon Kelly Hoyeb, *The Cult of Isis Among Women in the Graeco-Roman World*; Robin Fox Lane, *Pagans and Christians*; Ovid, "Amores", in Diane J. Rayer и William W. Batshaw's (ред.) *Latin Lyric and Elegiac Poetry: An Anthology of New Translations*; Robert Parker, *Miasma*; Propertius (ред. G. P. Goold), *Elegies*; William Smith (ред.), *Dictionary of Greek and Roman Biographies and Mythology*, Vol. III; Tibullus (перевод J. P. Postgate), *Tibullus*; and Marina Warner, *Alone of All Her Sex*.

⁵⁰ В египетской мифологии Иси́да была сестрой и женой Осириса и матерью Гора.

Ритуальные процессии и молитвы, а также такие их атрибуты, как вода, благовония и музыкальные инструменты, свидетельствовали об аскетизме и чистоте помыслов.

Как мужчины, так и женщины, приверженные культуре Исида, соблюдали целибат, что было редкостью в античном мире. Однако их воздержание от половой жизни было непродолжительным – обычно оно длилось десять дней. От женщин, собиравшихся стать сторонницами культа, требовалось соблюдать целибат перед инициацией, а потом воздерживаться от половой жизни в особые периоды. Исида в эллинистических романтических историях защищала непорочность расставшихся любовников, а женщины, стремившиеся укрыться от сексуальных домогательств, находили убежище в посвященном ей храме.

Самые благочестивые женщины прекращали супружеские половые отношения, превращаясь, по словам Тертуллиана, во «вдов». Они прерывали какие бы то ни было дальнейшие физические контакты с мужьями, причем иногда даже находили им взамен себя новых жен. Некоторые избегали контактов с мужчинами до такой степени, что отказывались целовать даже своих сыновей.

Памятники литературы повествуют о том, насколько добросовестно почитатели Исида соблюдали требования целибата. В древнем романе Апулея «Книга Исида» неофит говорит: «...нелегкой казалось мне задачей соблюдение обета целомудрия и воздержания»⁵¹. Делия – любимая подруга римского автора элегий Тибулла, поклонялась Исиде, и он постоянно мучился от периодического соблюдения ею целибата на протяжении десяти дней.

Какой мне прок от твоей Исида, Делия?
Какой толк в том, что ты покорно соблюдаешь ее обряды, если я
Припоминаю верно, купаешься в чистой
Воде и спишь без меня в чистой постели?⁵²

Проперций ворчал на свою соблюдавшую воздержание возлюбленную Кинфию: «Уплати мне залог за десять ночей!» И еще: «Вновь к печали моей настал этот мрачный обряд: теперь десять ночей Кинфия будет обряд соблюдать. Чтоб исчезли все эти обряды... пришедшие с теплого Нила к италийским матронам!» У самой Исида он спрашивает: «Какая тебе выгода от того, что девушки будут спать в одиночестве?»⁵³

Овидий, также лишенный благосклонности любовницы, присоединил свой голос к этим сетованиям: «Кто-то считает, что богиню радуют слезы любовников и ей доставляет удовольствие, когда ей поклоняются в муках те, кто в одиночестве лежит отдельно от любимых?» И, язвительно обращаясь к Исиде, добавляет: «Поскольку тебе было печально лежать в одиночестве, о, золотая богиня, теперь и я должен страдать в дни поклонения тебе?»⁵⁴

Печальный тон многих поэтов, сетующих на одно и то же обстоятельство, представляет собой забавное свидетельство силы того влияния, какое Исида оказывала на своих приверженцев, в частности женщин, которые ради соблюдения священного требования целибата рисковали навлечь на себя гнев мужей или любовников. Во время этих десятидневных периодов женщины ритуально себя очищали и все это время спали отдельно на чистом белье. Огромной притягательной силой богини была ее сфера духовной и физической любви, и когда она налагала условие периодического соблюдения целибата, ее сторонницы отдавали дань мудрости Исида в этом вопросе и с достоинством повиновались. Они шли на такой шаг, несмотря на огорчение, которое испытывали при этом их мужчины, отказывая им в доступе к телу на

⁵¹ *Апулей*. *Метаморфозы, или Золотой осел*, книга одиннадцатая; пер. С. Маркиша. В английском издании: *Apuleius*, 93.

⁵² *Tibullus*, 207.

⁵³ *Propertius*, 219, 235.

⁵⁴ *Ovid*, 493, 495.

более долгий период, чем того требовали остальные божества в обществе, где целибат воспринимался скорее отрицательно, чем положительно. Это было своего рода проявление независимости, а доброта и великодушные их целомудренной богини с лихвой оправдывали их жертву.

Дельфийский оракул

Соблюдение целибата также было важнейшим условием для женщин, которых боги мужского пола выбирали в качестве своих земных голосов. Аполлон, например, требовал, чтобы оракулы, вещавшие от его лица, в сексуальном плане были чисты, чтобы только он один имел право доступа в их тела⁵⁵. В античном мире оракулы почитались как высокоценные божества, через своих жрецов и жриц дававшие огромному числу граждан ответы на волновавшие их вопросы самого разного свойства – чей-нибудь поклонник мог спросить: «Взять ли мне в жены эту девушку?», а осторожный дипломат мог задать вопрос о том: «Следует ли моему государству объявлять войну?» Самым известным было святилище оракула Аполлона в Дельфах⁵⁶. Оракул давал ответы на вопросы в седьмой день каждого месяца⁵⁷. Жрица, названная пифией, отвечала на вопросы после того, как впадала в транс. В эти моменты ее устами говорил Аполлон. Могло показаться, что она говорит полную чушь, но потом толмачи жрицы растолковывали ожидавшим ответа вопрошающим ее слова, обычно назидательными стихами гекзаметром. Когда визитеров было много, ответы оракула давали три пифии, работавшие посменно.

Пророческий реквизит пифии составляла чаша, установленная на шатком треножнике, которая использовалась для повседневного приготовления пищи. Перед тем как дать ответ, она осматривала козла, позже приносимого в жертву, чтобы выяснить, дрожат ли у него ноги так же, как у нее, когда ею овладевает Аполлон. В числе других ритуалов она совершала омовения в очищающих водах священного Кастальского источника.

Некогда все пифии были молодыми девственницами, но после того, как клиент совратил одну из них, правила изменились, и пифиями становились крестьянки не моложе пятидесяти лет, хотя в память о стародавних временах, когда молоденькую пифию лишили невинности, пифии одевались как девушки в такие одежды, которые носили и девушки, и юноши. После занятия ими своих престижных должностей они неукоснительно соблюдали целибат и, переселившись в святилище, оставляли своих мужей. Важнейшим требованием к пифии являлось соблюдение целомудрия. Аполлон не мог войти в тело, оскверненное сексуальным наслаждением с другим смертным, поэтому выбор на роль пифий женщин старшего возраста, которых уже не интересовали сексуальные утехи, представлял собой мудрое решение. Кроме того, это был пример того, как целибат женщин зрелого возраста обретал уважение и ценность, столь не свойственные ему в античном мире.

Целомудренные жрицы

Некоторые греко-римские культы требовали служения жриц-девственниц, поэтому иногда молодых женщин готовили не столько к исполнению материнских обязанностей, сколько к религиозной деятельности. Им надлежало хранить девственность в течение долгого времени, а порой и пожизненно. Как и незамужним девушкам, им надлежало оставаться непорочными, а в противном случае они могли столкнуться с чудовищными последствиями. История Авги – дочери мифического царя Аркадии, свидетельствует о том, что могло случиться, если целибат жрицы нарушался. Царь сделал Авгу жрицей в храме Афины и пригрозил ей смертью в том

⁵⁵ *Blundell*, 160. Оракул Зевса в Додоне должен был выполнять те же требования.

⁵⁶ Оно стало наиболее популярным после VI в. до н. э.

⁵⁷ За исключением трех зимних месяцев, когда святилище было закрыто.

случае, если она лишится невинности. Но как-то в храм заглянул великий Геракл, который был тогда в подпитии, и соблазнил Авгу рядом с источником. Она молча смирилась с насилием, и можно было подумать, что ей самой хотелось быть совращенной.

Через некоторое время на страну обрушилась моровая язва и голод. Царственный отец Авги узнал тайну дочери от Дельфийского оракула, навестил ее и увидел, что она беременна. Та рыдала и просила не лишать ее жизни, говорила, что Геракл был пьян, когда насильовал ее. «Лгунья!» – ответил ее отец и потащил дочь на базарную площадь, чтобы убить. Авга упала на колени, привлекая внимание толпы покупателей и торговцев. Отец устыдился убивать дочь на глазах всего честного народа и отдал другому царю, чтобы тот ее утопил. Царь согласился, но позже продал ее в рабство.

Продолжение этой истории – о том, как Авга втайне родила сына Телефа, которого вскормила лань, а воспитал пастух, как она спаслась, вышла замуж и впоследствии воссоединилась с Телефом, – к повествованию о храмовых жрицах прямого отношения не имеет. Здесь важно другое: Солон издал закон, в соответствии с которым лишённые девственности незамужние женщины могли быть проданы в рабство. Потеряв невинность, они лишались всех привилегий, которыми обладали гречанки, и становились такими же, как женщины варваров – на них нельзя было жениться, и никто не имел права их выкупить.

Обычай, в силу которого жрицы должны были быть непорочны, сохранялся до наступления христианской эпохи. В период Римской империи храмы имели храмовых рабынь – девственниц, предназначенных служить соответствующим богам в качестве невест. Такие рабыни в храме Дианы (Артемиды) в Эфесе, как и весталки, должны были сохранять девственность пожизненно. Другие боги требовали от своих жриц хранить целомудрие в определенные периоды, а не всегда, и то же самое относилось к жрецам. В Фивах молодые девственные невесты Зевса избирались по принципу их физического совершенства и высокого положения в обществе. Достигнув половой зрелости, они какое-то время соблюдали траурный ритуал по Зевсу – их первому божественному супругу. После этого их выдавали замуж за соответствующих их положению мужчин.

Во всех случаях девственность составляла ритуальное требование и не предполагала никаких аскетических идеалов или истязаний плоти. Языческие религии редко требовали долговременного целибата, и общество его осуждало⁵⁸. Обычно было достаточно непродолжительного воздержания, хотя существуют редкие примеры пожизненного целибата. Как правило, жрицы могли отказаться от своих обязанностей, чтобы выйти замуж. Как мы увидим, такой возможностью располагали даже весталки после того, как в течение тридцати лет они исполняли жреческие обязанности.

Как ни странно, невинность также могла стать причиной смерти девственницы. В периоды тяжких бедствий, например опустошительных наводнений или моровой язвы, самым паразитическим искуплением становилась непорочная девушка, которую ритуально приносили в жертву соответствующему богу. Макария – целомудренная дочь Геракла, самоотверженно принесла себя в жертву, чтобы обеспечить военную победу. Так же поступили Метиоха и Мениппа после того, как оракул Аполлона объявил, что для завершения голода и засухи, поразивших их город, было необходимо принести в жертву двух девственниц. Они сами пошли на этот подвиг, убив себя челноками ткацких станков.

Однако большинство девственниц приносили в жертву насильно. Царь Демофон, например, издал закон о том, что каждый год надо убивать одну девственницу, чтобы предотвратить моровую язву, о которой его предупреждал оракул. Он выбирал жертву по жребью, но при этом всегда внимательно следил за тем, чтобы имя его дочерей в «розыгрыш» не попадало.

⁵⁸ Parker, 77–80, приводит примеры требования краткосрочного целибата или девственности при посадке оливковых деревьев и сбора с них урожая, разведении пчел и, возможно, приготовлении пищи.

Когда один из граждан – Мастусий, усомнился в справедливости такой процедуры, Демофон незамедлительно выбрал в качестве жертвы на тот год его дочь. В отместку Мастусий убил всех дочерей Демофона и дал их отцу выпить вина, смешав его с их кровью. Легенда не донесла до нас сведений о том, кого принес в жертву Демофон на следующий год.

Такие притчи, наверное, укрепляли у греческих девушек уверенность в том, что девственность определяет их общественную значимость, хотя, видимо, слегка их тревожили, вселяя страх перед тем, что их могут либо изнасиловать, либо выбрать в качестве очередной жертвы богам.

Весталки

59

Лучше всего из истории девственниц античности известны весталки, чьей вечной непорочности верховные власти государства и все гражданское общество вверяли безопасность Рима.

В обмен на эту колоссальную ответственность шесть весталок жили, ни в чем себе не отказывая – им поклонялись, они занимали в обществе очень высокое положение, обладали значительным могуществом и единственные среди римских женщин обладали такими же юридическими правами, как мужчины.

Весталки были жрицами Гестии / Весты – одной из трех девственных богинь. В Риме, как и в Греции, Веста была верховным хранителем домашнего очага и священного здоровья, а потому центром каждого римского дома был посвященный ей очаг. Ежедневным напоминанием о том, что культ Весты составлял суть духовной жизни семьи и ее физического благополучия, служил обычай бросать в огонь соленый пирожок.

Весте также публично поклонялись в *Aedes Vestae*⁶⁰ – круглом в плане здании, подобии шатра военного предводителя. В этом храме помещалось национальное сокровище Рима – священный огонь государства, составлявший залог благополучия и успехов нации в целом. Все римляне знали, что, если огонь когда-нибудь погаснет, это может отрицательно сказаться даже на исходе сражений.

Ответственность за поддержание огня – вопрос жизни и смерти – возлагалась на весталок, единственной римской версии монашек. О происхождении весталок известно недостаточно. Тем не менее римляне полагали, что основателя Рима Ромула родила Рея Сильвия – весталка, забеременевшая от бога войны Марса. Возможно, первые весталки были царскими дочерьми, на которых возлагалась задача поддерживать огонь всего народа. Это может объяснить их ежегодный обряд торжественного обращения к *rex sacrorum* – царю, приносящему жертвы: «*Vigilasne rex? Vigila!*» – «Ты бодрствуешь, царь? Бодрствуй!», как вопрошали дочери царей, живших в стародавние времена⁶¹.

Высочайший престиж и редкое обновление состава делало положение весталок столь же желанным, насколько исключительным. Новообращенные принимались после сложной процедуры отбора, проводившегося в среднем раз в пять лет. Сама эта процедура была жесткой:

⁵⁹ Источники раздела о весталках следующие: J. P. V. D. Balsdon, *Roman Women: Their History and Habits*; Mary Beard, “The Sexual Status of Vestal Virgins”; Richard Cavendish, (гл. ред.), *Man, Myth & Magic: The Illustrated Encyclopedia of Mythology, Religion and the Unknown*, Vol. II; Jane F. Gardner, *The Legendary Past: Roman Myths*; Judith P. Hallett, *Fathers and Daughters in Roman Society*; Mary R. Lefkowitz and Maureen B. Fant, *Women in Greece and Rome*; E. Royston Pike, *Love in Ancient Rome*; Herbert Jennings Rose, *Ancient Roman Religion*; and Paul Schilling, “Vesta”, in the *Encyclopedia of Religion*.

⁶⁰ *Aedes Vestae* (лат.) – храм Весты.

⁶¹ Schilling, 251. В других источниках глагол *vigilo* переводится как «быть бдительным». Кроме того, в замечательной статье Mary Beard предлагается убедительное доказательство того, что весталки могли являться царскими женами, поскольку их одеяния были такими же, как у римских невест, и после того, как их обрезанные волосы отрастали вновь, они одевались так, как было принято на следующий день после заключения брака.

претендентками отбирались девочки от шести до десяти лет от роду, происходившие из патрицианских семейств, физически безупречные и здоровые психически, матери и отцы которых тоже пребывали в добром здравии.

На первом этапе отбора *Pontifex Maximus* – верховный понтифик или главный жрец города из всех претенденток отбирал двадцать девочек. Все имели равные шансы, поскольку будущие весталки выбирались по жребию. Как же, должно быть, волновались двадцать пар родителей и другие родственники, не говоря уже о молоденьких соперницах! Высшая точка напряжения наступала тогда, когда верховный понтифик, указывая на победительницу, брал ее за руку и произносил ритуальные слова: «Те, amata, capio!» – «Тебя, возлюбленная, принимаю!» Это была формула посвящения в сообщество весталок.

Новая весталка сразу же становилась новой личностью. Теперь она уже не принадлежала к собственной кровной семье, даже если речь шла о наследовании. Она освобождалась от власти отца (*patria potestas*), ей гарантировалась юридическая независимость и выделялось значительное приданое. После этого ее брали в атриум Весты – просторное помещение, примыкавшее к храму Весты, которое, как правило, до конца жизни становилось ее единственным домом.

В атриуме Весты маленькая весталка встречалась со своими пятью коллегами. Отдавала она себе отчет в том, что теперь эти женщины навсегда станут единственными близкими ей людьми? Скучала она уже по родителям, братьям и сестрам, по дому? А когда под бдительным взором старшей весталки (*Virgo Vestalis Maxima*) малышке стригли длинные волосы, дрожали у нее губки, выступали слезы на глазах?⁶²

Стрижкой изменения не ограничивались. Маленькая весталка снимала свою одежду и переодевалась во все белое: подпоясанную в талии веревкой длинную тунику без рукавов, на которую она накидывала еще одну свободную, широкую тунику, а голову ее покрывала похожая на диадему повязка, украшенная лентами. В таком одеянии, с покрытыми подстриженными волосами, она давала обет целибата: девочка клялась сохранять непорочность, по крайней мере, на протяжении тридцати лет. Она, конечно, не понимала тогда последствий этого обета, но по истечении трех десятилетий – первые десять лет она училась, вторые делала то, чему ее научили, а третьи десять лет обучала новообращенных – она могла уйти из весталок и вернуться к обычной жизни, от которой ее оторвали в детстве. Она могла даже выйти замуж, хотя на деле после тридцати лет привилегий и могущества мало кто из весталок отказывался от прекрасной жизни, которую они вели, чтобы выйти замуж. А те, кто все-таки на это решался, потом, как говорили, очень об этом жалели⁶³.

Перед избранием весталки ее родители наверняка разъясняли ей серьезность дававшегося ею обета и жуткие последствия, которые ее ждали в случае его нарушения. Но в шесть или восемь лет вряд ли девочка вполне понимала, что на деле означает этот священный целибат. Лишь годы спустя, когда тело ее формировалось окончательно, ей предстояла тяжкая борьба между охватывавшими ее сексуальными желаниями и риском быть похороненной заживо на *Campus Sceleratus* – Злодейском поле.

Помимо неукоснительного соблюдения целибата, главная обязанность весталок заключалась в поддержании священного огня в храме Весты. Не меньше восьми часов в день этим усердно занимались группы из двух весталок. Но иногда, несмотря ни на что, огонь гас. Наказания за это полагались жестокие. Верховный понтифик находил и наказывал виновную, отводил ее в темное место, раздевал догола, прикрыв занавеской, а потом собственноручно бичевал.

⁶² После этой первой стрижки она могла отрачивать длинные волосы и делать прически, хотя слишком вычурные порицались.

⁶³ Описания одежды весталок и обряд их посвящения, описанные во многих источниках, приводятся у Плутарха в «Жизни Нумы» и других произведениях современников.

Жестокость наказания вполне соответствовала тяжести совершенного весталкой преступления, поскольку хладный пепел оставался не от обычного огня, а от символа жизни и религии государства. Если он гас – за исключением мартовских ид, когда верховный понтифик вновь возжигал огонь, – весь Рим охватывали страх и ужас. Ответственность за то, чтобы этого не произошло, возлагалась на шестерых самых превозносимых женщин Рима.

Римляне высоко ценили женскую непорочность – девственность весталок и девушек, верность замужних женщин, – в чем-то относясь к ней с таким же трепетом, как к негасимому огню, полагая, что целомудренная женщина скорее умрет, чем потеряет честь. Логическим следствием этого коллективного наваждения было требование к женщинам, ответственным за поддержание священного огня, под страхом смерти хранить невинность в течение тридцати лет. Целибат весталок служил основополагающей гарантией их чистоты и неподкупности – главных качеств, связанных с такими серьезными государственными обязанностями.

В основном весталки соблюдали данные ими обеты, и достойное поведение обеспечивало им повсеместное уважение и многочисленные привилегии. Они могли давать показания в суде, не принося присягу, им доверяли священные реликвии и ценные документы. Их повсюду сопровождали *ликторы* – официальные спутники магистратов. Если кому-то случилось толкнуть весталку, наказанием за это была смертная казнь. Весталки даже могли помиловать любого преступника, которому посчастливилось случайно встретиться с ними на улице. Не было ничего удивительного в том, что многие родители были готовы на все, лишь бы их дочурок выбрали в весталки.

А какой на самом деле была жизнь в атриуме Весты? До наступления половой зрелости и соблазнов, насылаемых буйством гормонов, жизнь весталок была вполне приемлемой и беспечной. Помимо заботы о поддержании огня, им надо было ходить за водой к священному источнику и приносить ее в чашах, установленных на голове, в атриум или в храм. Они пекли соленые пирожки для Весты и мыли полы в ее храме. Кроме того, они пекли жертвенные пироги для религиозных праздников, предварительно перемолов зерно в муку. Они участвовали в празднике *Октябрьского коня* – готовили смесь из крови и пепла коня, принесенного в жертву в честь Марса. Весталки всегда были чем-то заняты, и до достижения половой зрелости их жизнь была упорядоченной и доставляла им удовольствие.

Но когда они выросли, порой случалось неизбежное – весталки влюблялись. Немногие из них по неблагоразумию поддавались бушевавшим страстям и заводили любовников⁶⁴. Они подвергали себя отчаянному риску, поскольку тех, чье прелюбодеяние обнаруживали, обрекали на смерть. Причем смерть им была уготована особая, соответствовавшая их высокому положению. Святость не позволяла свершать над ними обычную казнь, поэтому на лишенных невинности весталок набрасывали саван, помещали в зашторенные носилки и несли как труп мимо молчаливо скорбящей как по покойнику толпы. Пунктом назначения служила маленькая подземная камера на Злодейском поле около Коллинских ворот. В этой камере смертнице оставляли немного хлеба, воды, оливкового масла и молока, чтобы римляне не могли никого упрекнуть в том, что заблудшую весталку до смерти заморили голодом. Жертва спускалась в камеру по лестнице, после чего ее в одиночестве замуровывали в этой могиле. А любовника ее засекали до смерти в каком-нибудь общественном месте⁶⁵.

⁶⁴ *Balsdon*, 238–239, полагает, что, «несомненно, существовали периоды стойкого ослабления религиозных и моральных устоев, когда институт весталок в целом предавался разврату, и с самого раннего возраста новообращенной внушали, что надо не резонерствовать, соблюдая формальности, а следовать примеру остальных. Ей говорили, что это совершенно безопасно». Однако *Balsdon* не подтверждает свои слова документами, хотя указывает на национальные бедствия, вина за которые возлагалась на весталок, нарушивших обет целомудрия.

⁶⁵ Большинство источников, в которых повествуется о судьбе влюбленной весталки, цитируют описание, данное Плутархом. Смысл такого обряда состоял в том, что, если обреченная на смерть весталка оказывалась невинной, Веста должна была ее освободить. Поскольку этого никогда не случалось, каждый раз, когда весталку хоронили заживо, это считалось оправданным.

Не все обесчещенные весталки уходили спокойно. Старшая весталка Корнелия, приговоренная без допроса свидетелей, без слушания дела, крикнула Весте: «Как может Цезарь считать меня прелюбодейкой, если мое священное служение принесло ему победу и триумф?» Потом, когда она встала на лестницу, ее саван зацепился за ступеньку, и палач протянул ей руку, чтобы помочь удержать равновесие. Вместо того чтобы опереться на протянутую руку, она отпрянула от его прикосновения, как будто, как писал Плиний, «оберегала свое чистое, непорочное тело от его грязного прикосновения»⁶⁶.

Другой облыжно обвиненной весталкой была Клавдия Квинта. Прекрасная и следившая за модой, кокетливая, с искусно уложенными волосами, Клавдия была вальяжна и остра на язычок. Нельзя ей было отказать и в смелости, потому что, когда ее обвинили в том, что она нарушила обет целомудрия, весталка с мольбой обратилась к изображению богини: «Я не чиста, говорят. Коль клянешь ты меня, я сознаюсь: / Смертью своей пред тобой вины свои искуплю. / Но коль невинна я, будь мне порукою в том предо всеми: / Чистая, следуй за мной, чистой покорна руке»⁶⁷. К счастью для Клавдии, статуя Весты как будто подвинулась, и весталка была оправдана. Весталка Туккия, которую обвиняли не только в нарушении обета соблюдать целибат, но и в кровосмешении, доказала свою невиновность, сотворив чудо. Она набрала воду в решето и пронесла ее через весь город, не пролив ни капли.

Но весталки могли столкнуться с гораздо более страшной опасностью, чем обнаруженное прелюбодейство: то был риск возложения на них ответственности за какую-либо политическую неудачу или военное поражение из-за того, что кто-то из них нарушил священную клятву соблюдения целибата. В частности, старшая весталка Корнелия явно стала жертвой такого рода интриги. В 216 г. до н. э. римские руководители приписали страшное поражение под Каннами не ошибкам на поле брани, а сексуальным прегрешениям весталок. В результате две из них – хоть, возможно, и оставались девственницами – окончили жизненный путь, задыхаясь во тьме могилы на Злодейском поле. Из десяти документально подтвержденных дел погребенных заживо весталок большинство соблюдали целибат – они стали несчастными жертвами обстоятельств⁶⁸.

Других непорочных весталок обвиняли в прегрешениях мстительные или злые рабы. Были известны и такие случаи, когда могущественные римляне провоцировали сфабрикованные обвинения ради того, чтобы создать вакансию на место весталки для собственной дочери. Поскольку существовало всего шесть весталок, неразборчивые в средствах прохиндеи полагали, что казнь одной из них ускорит процесс выборов новой хранительницы огня. А в 215 г. император Каракалла избавился сразу от трех весталок. Сначала он соблазнил одну из них, а потом сделал так, что его жертву и двух ее подруг заживо похоронили на Злодейском поле.

Несмотря на такую несправедливость, которая, к счастью, проявлялась нечасто, институт весталок продолжал существовать на протяжении долгих столетий. И действительно, он был столь могущественным и его так боялись, что в 394 г. после победы над Евгением и триумфального восшествия в Рим воинствующий христианский император Феодосий Великий распустил весталок и упразднил их священный институт.

Могущество и продолжительность существования весталок свидетельствуют о большом значении, придававшемся девственности в римском обществе. Соблюдение целибата давало им слишком много преимуществ, чтобы отказаться от него ради мирских сексуальных утех. Справедливости ради можно сказать, что жизнь весталок проходила в исключительно благо-

⁶⁶ *Balsdon*, 241–242.

⁶⁷ *Овидий*. Фасты; пер. Ф. А. Петровского.

⁶⁸ Там же, 240. Тем не менее в конце II в. н. э. необоснованные утверждения относительно весталок привели к полномасштабному расследованию, и весталка была осуждена за утрату невинности. На следующий год две другие ранее оправданные весталки тоже были осуждены. В 83 и 90 гг. н. э. император Домициан заявил, что институт весталок был притоном разврата. Помимо этих исключительных случаев, большинство весталок соблюдали целибат.

приятных условиях, сопоставимых лишь с теми, в которых жили *аклы* в древней империи инков.

Языческий и еврейский аскетизм

Влияние греческой философии

69

Античный греко-римский мир требовал непорочности от всех незамужних женщин и многих богинь. Большинство жриц, служивших таким целомудренным богиням, как Афина или Веста, или таким ревнивым богам, как Аполлон, были целомудренны. Те немногие из них, которые раньше были замужем, должны были неукоснительно соблюдать целибат. Но по мере того, как проходили века, философы развивали учение об аскетизме, постепенно внушавшее стремление к идеалу, превозносившему целибат и вдохновлявшему Пифагора, Платона и других философов и мыслителей.

Пифагор, философ, живший в VI – начале V в. до н. э., создал религиозное движение, соединившее учение орфиков с верованиями индийцев и персов. Орфическое учение не имело широкого распространения, оно было обращено к мыслящим людям, разделявшим его догматические абсолютные ценности, включавшие обещание вечной жизни тем, кто чист в ритуальном и физическом отношении. Для воплощения в жизнь его стремления к моральному обновлению общества Пифагор основал братство, члены которого соблюдали целибат. Свободное от экономических и политических интересов, это сообщество существовало на протяжении нескольких веков, поклоняясь религиозному культу.

Члены пифагорейской общины, включая женщин, которых принимали туда на равных с мужчинами условиях, должны были передать все свое имущество в коллективную собственность, поскольку он учил, что «у друзей все общее» и «дружба – это равенство». Он делил время человеческой жизни на четыре периода по двадцать лет каждый, соответствующих весне, лету, осени и зиме: двадцать лет человек был мальчиком, двадцать лет – юношей, двадцать лет – зрелым мужчиной, и двадцать лет – стариком. На первом этапе обучения ученики должны были слушать Пифагора из-за занавески, чтобы даже мельком его не увидеть. Через пять лет таких занятий он позволял им входить к себе в дом, где лично продолжал вести с ними беседы.

Пифагор говорил о мире, разделенном в соответствии с двумя противоположными принципами: нижним «беспредельным дыханием», которое включает тьму, четные числа и женственность; и «высшим пределом», означающим свет, нечетные числа и мужественность. Высшая душа оказалась в ловушке низменного тела наряду с фуриями порочных страстей. Чтобы освободиться и тем самым спасти свои заточенные в телах души, людям необходимо соблюдать запреты, в частности воздерживаться от половой жизни.

Однако пифагорейцы ратовали за соблюдение целибата только жарким и сухим летом, а весной и осенью – по возможности. Сексуальные отношения в зимнее время меньше ослабляли организм и потому были более приемлемы, хотя, как и все прелести любви, тем не менее, вредили здоровью. Мужчине, задавшему Пифагору вопрос о том, когда ему лучше иметь близость с женщиной, мудрец ответил: «А когда ты хочешь потерять ту силу, которую имеешь?»⁷⁰

Пифагор также подчеркивал, что половую жизнь не следует начинать до достижения мужчиной двадцатилетнего возраста, и хвалил строгость греческих правил, запрещавших

⁶⁹ Основными источниками этого раздела являются: Vern L. Bullough, *Sexual Variance in History*, Kenneth J. Dover, “Classical Greek Attitudes to Sexual Behaviour”; Kenneth J. Dover, *Greek Popular Morality in the time of Plato and Aristotle*; Sarah B. Pomeroy, *Goddesses, Whores, Wives, and Slaves*; Pythagoras (перевод R. S. Guthrie), *The Pythagorean Sourcebook and Library*; and Ute Ranke-Heinemann, *Eunuchs for the Kingdom of Heaven*.

⁷⁰ Ranke-Heinemann, 329.

заниматься любовью в храмах с женщинами, которые были чьими-то сестрами, матерями или дочерьми, иначе говоря, вообще с какими бы то ни было женщинами. Единственные половые сношения, которые он допускал, должны были иметь целью создание потомства, причем вступать в них следовало только мужу и жене.

Платон доработал и включил многие идеи Пифагора в свою чрезвычайно влиятельную философскую систему. Он тоже был дуалистом и в моральном отношении рассматривал душу как более высокую субстанцию, чем тело, мешавшее ей в достижении ее высоких целей. В зависимости от ее выражения он рассматривал любовь как священную или как оскверняющую и унижающую. Половой акт был самой низшей ее формой, при которой человек превращался в зверя. Чтобы подняться от низших форм любви к высшим, нужно было вести добродетельный образ жизни, следуя строгим нравам, присущим учению пифагорейцев, в частности соблюдая сексуальное воздержание.

В «Республике» Платона общительный человек задал поэту Софоклу грубый вопрос о его сексуальности: «А что, Софокл, с твоим служеньем Афродите – твоя природная сила не ослабла?» На это Софокл ответил: «Умолкни, человек, я с радостью ушел бы от того, о чем ты здесь толкуешь, как будто бы сбежал от дикого и яростного хозяйского зверя»⁷¹.

Столетия спустя после того, как Платон создал учение об идеях и вещах, христианские теологи, погружившиеся в платоновские концепции, стали его славить как христианина, жившего до рождения Христа. Его идеи были столь чисты, непреложны, вездесущи и протяженны во времени, что их можно было уподобить божествам, в противоположность вещам, явно соответствовавшим уровню смертного человечества со всей его скверной и печалью.

У стоиков было похожее учение о сексуальности. Сама по себе она не рассматривалась как нечто презренное, мерзкой она становилась лишь тогда, когда люди блудили с неумемной страстью и похотью. Но акт продолжения рода, совершаемый людьми, соединенными узами брака, считался в порядке вещей⁷². Римлянин Сенека писал:

мудрому человеку следует любить жену рассудочно, а не чувственно.
Пусть он контролирует свои порывы и не теряет голову от близости с ней. Нет ничего порочнее, чем любить жену, как любят блудниц⁷³.

Стоики руководствовались принципами природы, добродетели, благопристойности и умеренности, проявлявшимися в аскетической жизни, привлекавшей многих сторонников.

С течением столетий все большее число аскетов вносили весомый вклад в образ жизни, обычно включавший свободный доступ к половой жизни с рабынями, гомосексуальные связи между мужчинами и мальчиками, широко распространенную проституцию и общение – иногда на регулярной основе – с куртизанками, которых называли *гетеры*. (Характерными чертами этого общества также были договорные браки, жесткий контроль над женщинами, особенно среди высших слоев общества, и огромные штрафы за соращение невинных девушек.) Все более широкое распространение получала непорочность, часто означавшая то же самое, что воздержанность, стойкость и энергичность. Ко времени зарождения христианства для него уже сложились условия утверждения и распространения в мире, где все большую роль играли идеи сексуального аскетизма.

⁷¹ Plato, Book I, 11.

⁷² Все взгляды такого рода противопоставлялись снисходительному отношению греков к гомосексуальным отношениям, которые осуждались по самой своей природе за чувственное наслаждение в противовес потребности продолжения рода.

⁷³ Bullough, 166. Сенека был воспитателем Нерона. Позже Нерон приказал ему покончить жизнь самоубийством.

Подготовка ессеев к Армагеддону

74

В то самое время, когда усиливался языческий аскетизм, наряду с ним развивался апокалиптический и аскетический культ у евреев. Набожные и мессиански настроенные ессеи заявляли, что происходят от брата Моисея – Аарона. Они неукоснительно выполняли Моисеевы законы, соблюдали субботу и все праздники религиозного календаря, а также ритуальную чистоту. Они верили в наступление конца света и разделяли концепцию избранного народа. Однако здесь их представления с другими евреями расходились. Они рассматривали себя как «Израиль, идущий путем совершенствования», «истинный Израиль», и потому исключали себя из основной части еврейства как избранного народа. (В отличие от фарисеев и хасидов, называющих себя «собрание благочестивых», ессеи величали себя еврейским народом.)⁷⁴

Враждебные отношения ессеев с другими группами населения ускорили их уход в необжитые земли, где они создавали в основном мужские монастырские общины, жившие в соответствии с их уникальным учением. Они соблюдали целибат и не женились. У них не было рабов либо потому, что они выступали как поборники равноправия, либо потому, что не хотели, чтобы среди них жили иноверцы, из числа которых рекрутировались рабы. (Они ненавидели иноверцев и, в отличие от других евреев, считали, что все они обречены на адские муки. Тем не менее более умеренные, открытые ессеи из группы, жившей в Дамаске, имели рабов.) Они отвергали многие другие еврейские ритуалы, но делали жертвоприношения Иерусалиму и сами приносили жертвы.

Поселение ессеев Кумран было построено замечательно – там возвышалась башня и существовали ванны для ежедневных ритуалов омовения. Члены общины выращивали финики, делали финиковый мед, возделывали поля. Это была настоящая коммуна, где все принадлежало всем ее членам, а новообращенные должны были передавать всю свою собственность и будущие заработки в пользование общины. В результате, хоть они презирали иноверцев за их богатства, которые называли «награбленное добро», их община стала весьма состоятельной. Они размещали, кормили, одевали и заботились обо всех ее членах, включая больных, нуждающихся и престарелых.

Жизнь ессеев была незамысловатой и умеренной. Дважды в день священники готовили одно блюдо однообразной пищи, которую ели с хлебом, причем трапезы проходили в полном молчании. Иосиф Флавий, некоторое время живший вместе с ессеями, описал их повседневную жизнь. Завершив многочасовую работу, они собирались вместе, надевали белые набедренные повязки и купались в холодной воде, а потом без суеты рассаживались в ожидании трапезы. Пекарь приносил им буханки хлеба, а повар вносил блюдо с пищей одного вида. По существовавшему обычаю никто не мог вкусить еду до произнесения благодарственной молитвы, и потому до начала трапезы и по ее завершении они славил Господа за Его щедрость. После этого они снимали белые одежды и снова шли работать до наступления времени ужина.

Ессеи носили одежду и обувь до тех пор, пока одежда не превращалась в лохмотья, а обувь – в непригодные для использования обноски. К внешнему виду они относились не без доли безразличия, воздерживаясь от умащения себя маслом, как это делали другие. Перед каждой трапезой и после каждого облегчения они совершали ритуальное омовение, скромно прикрывая наготу передником. Испражнялись они только на приличном расстоянии от посе-

⁷⁴ Основными источниками этого раздела являются: David Flusser (перевод Carol Glucker), *The Spiritual History of the Dead Sea Sect*; Duncan Howlett, *The Essens and Christianity: An Interpretation of the Dead Sea Scrolls*.

⁷⁵ Flusser, 11–13.

ления, вырывали ямку, прикрываясь, когда присаживались на корточки, а потом закапывали фекалии землей. По субботам справлять естественные потребности запрещалось.

Современники поразились целибату ессеев – строгому, полному, постоянному, – но находки женских скелетов на раскопках в Кумране свидетельствуют о том, что в общине были женщины. Возможно, некоторых ее членов сопровождали жены, но все они вели целомудренный образ жизни. Исследователь Давид Флуссер на основе изучения «Свитков Мертвого моря» – недавно найденных памятников литературы ессеев, полагает, что мужчины-ессеи могли жениться по достижении двадцати лет, «когда они знают, что делать», причем такие браки преследовали лишь одну цель – продолжение рода⁷⁶. Возможно, по отношению к начальному этапу это было справедливо, но другие ученые утверждают, что все ессеи строго соблюдали целибат⁷⁷.

Аскетизм ессеев развивался на основе совершенствования теологии, изображавшей мир сынов света, отмеченных печатью Господа, и сынов тьмы, обреченных на гибель. Ессеи все в большей степени рассматривали людей как исчадие зла, а плоть – как воплощение этого зла. Отсюда их отвращение к сексуальности, даже к ее проявлению в качестве естественных функций организма. Но, в отличие от Платона, они не рассматривали человека как поле битвы идей и вещей. Вместо этого они делили род человеческий на две части – рабов бренного тела, или тех, чьи грехи неискупимы, и избранных, то есть их самих⁷⁸.

Если в этом описании обычаев и учения секты ессеев звучит что-то странно знакомое, может быть, это связано с тем, что во многих отношениях они шли вперед – к христианству. Бегство к иночеству в необжитую глушь; затруднительный ритуал омовения, при котором даже сам его участник не мог видеть собственное тело; однообразие простой пищи и молчаливые трапезы; принудительный отказ от частной собственности; осуществление призвания каждого; спокойная уверенность в правоте поставленной цели; накопление богатств; но, прежде всего, соблюдение целибата – вскоре все эти особенности станут характерными чертами христианства и жизни в его многочисленных монастырях.

Широкая популярность секты ессеев, обеспеченная произведениями нескольких выдающихся авторов, включая Иосифа Флавия, который был свидетелем их порядков и обычаев, привела к тому, что ранние христиане хорошо их знали. В ходе организации и становления новой религии ее апологеты в значительной степени опирались на концепции дуализма Платона, опыт, процедуры и каноны секты ессеев, и в первую очередь – на соблюдение ими целибата. Именно на этой религиозной, философской и социальной почве было посеяно и пустило корни еще только зарождавшееся христианство, бесспорно ставшее со временем самым значительным и продолжительным в мире экспериментом жизни в целомудрии и безбрачии.

⁷⁶ Flusser, 31–32.

⁷⁷ Howlett, 90, пишет о том, что делать выводы в этом отношении нельзя; возможно, некогда женщины составляли часть секты, но впоследствии на всех был наложен целибат.

⁷⁸ Flusser, 52–56. Это требование не ограничивало членство общины, в которой ко времени ее наибольшего расцвета насчитывалось около четырех тысяч человек.

Глава 2

Раннее христианство

ИСТОКИ

Притча о двух женщинах

Ужесточение мученичества новой религии

Второе пришествие

Аве Мария? Все большая непорочность Девы Марии

Бойкот чрева энкратитами и гностиками

«Господи, дай мне целомудрия и умеренности, но только не теперь»

НЕОБЫЧНЫЕ ДЕВСТВЕННИЦЫ

Матери Церкви

Монахини в мужском обличье

Бородатые святые женщины

ЦЕЛИБАТ В ПУСТЫНЕ

Новая азбука сердца отцов-пустынников

Целомудрие Симеона Столпника на высоте шестидесяти футов

Выйти замуж за «настоящего мужчину»

Истоки

Притча о двух женщинах

79

Две тысячи лет тому назад заботливый и добродетельный плотник обнаружил, что молодая женщина, с которой он был помолвлен, беременна. Это случилось совсем не так, как обычно бывает у слишком пылких любовников, которым в такой ситуации пришлось бы прибегнуть к помощи маленького мешочка со свиной кровью, чтобы подделать следы разорванной девственной плевы на чистой полотняной простыне их супружеского ложа. Та беременность сулила большую беду, по крайней мере, для Марии, которой предстояло стать матерью. Как она могла объяснить свое состояние жениху или даже себе самой? Страшная правда заключалась в том, что они с Иосифом никогда не были близки.

Многие мужчины, может быть большинство, яростно отреагировали бы на такое унижение. Помолвка связывала людей почти так же, как брачные узы, поэтому, несмотря на крайне затруднительное положение, в котором оказалась Мария, Иосиф не мог просто взять и бросить ее. Их мог разлучить только развод.

Должно быть, Мария с Иосифом очень долго и много говорили друг с другом. Мария, наверное, молила его, просила поверить, что понятия не имеет о том, как это случилось, говорила, что никогда не предавала его с другим мужчиной. Иосиф, видимо, спорил с ней, доказывал, что в одиночку детей еще никто никогда не делал и любое другое ее объяснение лишено всякого смысла. Однако ее искренние слезы и неподдельное горе не могли его не тронуть. Иосиф решил поступить великодушно и «избавиться от нее по-тихому», а не подвергать невесту страданиям, которые неизбежно последовали бы после его отречения от нее перед свидетелями⁸⁰.

Все еще терзавшийся сложностью того положения, в котором оказался, Иосиф уснул, продолжая размышлять над теми возможностями, которые ему оставались. Во сне ему явился ангел Господень и сказал: «Иосиф, сын Давидов! не бойся принять Марию, жену твою; ибо родившееся в Ней есть от Духа Святого»⁸¹. Ангел даже назвал ему пол и имя ребенка: родится мальчик, которого Иосиф должен будет назвать Иисусом (одна из форм имени Иешуа, что значит «с нами Бог»). Иисус, добавил ангел перед тем, как Иосиф проснулся, «спасет людей Своих от грехов их»⁸². Пока Иосиф спал, возражения Марии были приняты целиком и полностью. Когда он проснулся – вне всяких сомнений, потрясенный и ликующий, – Иосиф не мог не рассказать о явившихся ему ночью откровениях изумленной Марии, у которой будто гора с плеч свалилась. Больше речь о том, чтобы от нее избавиться, не заходила. Вместо этого Иосиф «принял ее как жену свою»⁸³, хотя они воздерживались от половой жизни, по крайней мере до рождения ребенка.

Все шло, как и было загадано, до последних часов беременности Марии. В связи с изданием имперского декрета о массовой переписи населения Иосифу и его невесте пришлось отправиться в Вифлеем, откуда был родом Иосиф, а не ждать рождения их ребенка дома в

⁷⁹ Основными источниками этого раздела являются: Peter Brown, *The Body and Society*; John Bugge, *Virginitas*; Robin Lane Fox, *Pagans and Christians*; Manuela Dunn-Mascetti, *Saints: The Chosen Few*; *Holy Bible* NSRV; and Joyse E. Salisbury, *Church Fathers, Independent Virgins*.

⁸⁰ Матфей I:18–19.

⁸¹ Там же, I:20.

⁸² Там же, I:20–21.

⁸³ Там же, I:25.

Назарете. Хуже было то, что из-за наплыва деревенских жителей все гостиницы города оказались переполненными, и в конце концов Иосиф нашел для них место только в яслях. Там среди любопытных ослов и других животных Мария произвела на свет ребенка. Это случилось так, как предрекал пророк Исайя: «се, Дева во чреве примет, и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил, что значит: с нами Бог»⁸⁴.

Прошли годы. Иисус вырос и стал проповедовать. Когда ему исполнилось тридцать три года и он стал радикальным популистом, которого власть имущие в насмешку называли Царем Иудейским, священники, писцы и старейшины собрались в доме первосвященника и задумали с ним покончить. Убийство должно было свершиться сразу же после праздника Песах.

На стороне заговорщиков были власть и деньги. Они подкупили ученика Иисуса Иуду Искариота, посулив ему огромную по тем временам сумму – тридцать сребреников, за предательство учителя. Однако заставить Иисуса врасплох им не удалось. «Вы знаете, что через два дня будет Пасха, и Сын Человеческий предан будет на распятие», – сказал он своим ученикам, пришедшим в ужас⁸⁵. Он был распят, агония его усугублялась унижением, которое он испытывал от тернового венца и наготы своей, поскольку римские солдаты сорвали с него одежды и отдали на хранение, как того требовала традиция, которой военные следовали при процедуре распятия.

Наконец, Иисус скончался, но мертвым оставался недолго. На третий день его истерзанное тело вернулось к жизни, и еще некоторое время он снова ходил по земле. Последние минуты он провел со своими одиннадцатью оставшимися в живых учениками, потому что Иуда Искариот в приступе раскаяния повесился. «Итак, идите, научите все народы, – призывал их Иисус, – крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам; и се, Я с вами во все дни до скончания века»⁸⁶. Потом под изумленными взглядами своих учеников он вознесся на небо.

Этот сын Божий, рожденный девственной матерью, жил и умер, целиком отдав себя делу основания новой религии, со временем ставшей христианством. Его смерть и сопутствовавшие ей чудеса привели ранних христиан к выводу о том, что вскоре наступит апокалипсис – конец света. Зачем же, если это так, рожать детей? Лучше уж соблюдать целибат и сосредоточиваться на духовном просветлении и очищении.

Как мы видели, греко-римский мир, унаследованный Иисусом, имел своих девственниц и сторонников целибата. Однако чудесное происхождение Афины из головы Зевса, весталки и философы-аскеты, призывавшие к сексуальному воздержанию, и даже жившие в самоизоляции ессеи существенно отличались от христиан с их пристальным вниманием к широко распространенному целибату и сопутствующему фанатичному обращению в веру.

С самого начала позиция христианства в вопросе о сексуальных отношениях была отрицательной. Так, например, высказывания Иисуса о разводе наталкивали его учеников на мысль о том, что лучше бы им оставаться неженатыми. Отношение Иисуса к этой проблеме сказывается на протяжении веков:

Ибо есть скопцы, которые из чрева материнского родились так; и есть скопцы, которые осклоплены от людей; и есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного. Кто может вместить, да вместит⁸⁷.

Ученики и многочисленные последователи разделяли его точку зрения. В переносном смысле осклопление или неизбежный целибат стал одним из важнейших и самых суровых поло-

⁸⁴ Там же, I:23.

⁸⁵ Матфей 26:2.

⁸⁶ Там же, 28:19–20.

⁸⁷ Матфей 19:12.

жений их религии. Некоторые из них, включая Оригена – одного из отцов Церкви, жившего в III в., понимали слова Иисуса буквально и сами себя кастрировали.

В первые четыре века существования христианства отцы Церкви – Амвросий, Иероним, Тертуллиан, Киприан и Августин – упорно боролись с теологическими и практическими следствиями изречения Иисуса о святых скопцах. Следовало ли вообще христианам жениться? И если да, полагалось ли им вступать в сексуальные отношения? Представления о браке при соблюдении супругами целибата становились вполне реальными. Известное высказывание апостола Павла о том, что «лучше вступить в брак, чем разжигаться», отражает отрицательное отношение христианства как к слабости мужчин по отношению к искушающим и соблазняющим их женщинам, так и к относительным достоинствам брака; но все же это лучше, чем иные иссушающие возможности.

По мере изучения святыми отцами Священного Писания безразличие самого Иисуса к семейным связям усиливало их убежденность в том, что бездетность целибата – не трагедия, а скорее признак святости. Однажды, когда Иисус стоял и говорил со своими последователями, кто-то заметил, что его мать Мария и братья Иаков, Иосий, Симон и Иуда хотели поговорить с ним о чем-то наедине. Но Иисус не обращал на них внимания. «Кто мать Моя и братья Мои? – спросил он. Потом простер руки к ученикам и громко произнес: – Вот мать Моя и братья Мои; ибо кто будет исполнять волю Божию, тот Мне брат, и сестра, и мать»⁸⁸.

С годами все большее внимание уделялось таким вопросам, как целомудрие непорочности или возрожденная невинность безбрачия; приоритет религиозного сообщества верующих над семьями людей в обществе и все в большей степени муссировавшаяся тема развратного, похотливого и обольстительного женского естества. Как и ранние греческие философы, большинство отцов Церкви были холостяками и придерживались аналогичных суровых взглядов на любые сексуальные действия как в браке, так и вне него. Даже Тертуллиан, который был женат, обличал сексуальность как «недозволительный грех» и отзывался о влагилицах женщин как о «вратах, ведущих к дьяволу»⁸⁹.

Исписав реками чернил горы страниц, святые отцы нашли виновника, ответственного за обостренную сексуальность человечества, и, преисполнившись коллективной ненависти, возложили всю вину на Еву. Особенно мрачными красками обрисовал ее облик святой Павел, известный непримиримой враждебностью к женскому полу. Постепенно все большее развитие получала теология грехопадения, естественно подразумевавшая Адама и Еву в Эдемском саду в тот момент, когда они вкусили запретный сладкий плод от божественного дерева познания добра и зла. Если Марию, мать Иисуса, обожествили и возвысили, то Ева стала средоточием вселенского греха. Так было положено начало развитию христианской притчи о двух женщинах.

В Книге Бытия Адам предстает как первый человек, сотворенный Господом, а Ева – как его подруга, созданная из ребра Адама Богом, который провел эту операцию под наркозом, чтобы тот не чувствовал боли. В Эдемском саду нагие мужчина и его женщина, кость от костей его и плоть от плоти его, могли пробовать все, что захотят, и наслаждаться всем, что пожелают. Но Господь строго-настроено заповедовал им пробовать плод дерева познания добра и зла и предупредил: «...только плодов дерева, которое среди рая... не ешьте их и не прикасайтесь к ним, чтобы вам не умереть»⁹⁰. Однако дьяволу в облике змея-искусителя удалось переубедить Еву. Как она могла умереть, если, отведав плод дерева и уяснив природу добра и зла, стала бы подобной Богу? Ева была убеждена, и ей без труда удалось уговорить Адама вместе с ней

⁸⁸ Mark 3:31. Видимо, Иисус знал, что Мария и его братья беспокоились из-за того, что он слишком много работает и при этом недоедает. Возможно, они пришли, чтобы увести его домой и накормить ужином.

⁸⁹ *Salisbury*, 113.

⁹⁰ Бытие, 3:3.

попробовать лакомый кусочек плода. Он откусил его и тем самым спровоцировал первородный грех.

Наказание Господа было незамедлительным, оно камня на камне не оставило от заверений дьявола. Даже змей получил по заслугам – он был проклят и обречен всю жизнь ползать на брюхе. Участью Евы, а вслед за ней и всех женщин, стали боль и печаль, Господь судил ей раболепствовать пред мужем и угождать ему, сказав: «Умножая умножу скорбь твою в беременности твоей; в болезни будешь рожать детей; и к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою»⁹¹.

Приговор Адаму распространялся на всех простых людей: не будет ему больше легкой жизни, как была в Эдемском саду, из которого они с Евой были изгнаны, а ждет его тяжкий труд: «...проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей. Терния и волчцы произрастит она тебе; и будешь питаться полевой травой. В поте лица твоего будешь есть хлеб...»⁹². Но гораздо более жестокой карой был конец вечной жизни и возвращение тел Адама и Евы в землю: «...ибо прах ты, и в прах возвратишься»⁹³. Поскольку он прислушался к словам Евы и нарушил заповедь Господа, первый человек и все, следующие за ним, обречены на смерть. Обманул змей – дьявол, а не Бог, и возмездием за грех станет смерть⁹⁴.

Ужесточение мученичества новой религии

95

Было бы неверно полагать, что отцы Церкви составляли некую статичную группу мудрецов, неизменно склоненных над своими библиями. Они были не только теологами – им пришлось руководить созданием Церкви, преодолевая страшные опасности, проповедовать обращенным и обращать язычников и иудеев. На протяжении первых четырех веков христиане неоднократно сталкивались с жесточайшими преследованиями, в ходе которых многие из них погибали. В III в. самым непримиримым гонителем стал император Диоклетиан, который жестоко их мучил и подвергал страшным пыткам. Некоторые обвинения, которые он против них выдвигал, были заведомым абсурдом и оскорбительной клеветой, в частности то, что они убивали младенцев; через таинство евхаристии практиковали каннибализм; поощряли кровосмешение; перед тем, как устраивать оргии с групповым сексом, приглушали освещение церквей; вызывали голод, стихийные бедствия и засухи. «Дождь не идет из-за христиан», – часто повторяли эту избитую фразу римляне⁹⁶. Другие выдвигавшиеся против них претензии были, по крайней мере, справедливы: они отказывались поклоняться римским божествам, приносить жертвы и есть жертвенное мясо, а также почитали целибат.

Целомудренные состоятельные христиане из знатных семейств представляли собой особенно заманчивые цели. Завистливые язычники облыжно обвиняли тех, кто владел значительной собственностью, в надежде получить от этого выгоду. Нередко они ополчались против христианских девушек, которых перед казнью отправляли в публичный дом, где лишали девственности. В прекрасно написанной, глубокой и подробной монографии «Язычники и христиане» Робин Лэйн Фокс писал о том, что преследования христиан были направлены против стариков, женщин, детей и, по крайней мере однажды, против калеки. Поскольку в качестве

⁹¹ Там же, 3:16.

⁹² Там же, 3:3.18–19.

⁹³ Там же, 3:19.

⁹⁴ *Genesis* 2:15–25, 3:1–24.

⁹⁵ Основным источником раздела о преследованиях христиан является: Robin Lane Fox, *Pagans and Christians*, 419–612. Кроме того, использовалась работа: Dunn-Mascetti, *Saints: The Chosen Few*.

⁹⁶ Fox, 425.

козлов отпущения выступали такие беззащитные и уязвимые жертвы, властям не составляло большого труда претворять в жизнь законы, направленные против христиан⁹⁷.

Преследования христиан порой ослабевали, порой усиливались, достигая апогея при императорах Деции Траяне (249–251 гг.) и особенно при Диоклетиане (284–305 гг.) – их самых известных гонителях. Нередко придирки к христианам бывали мелочными и носили бюрократический характер, когда чиновники-язычники стремились приспособить традиции и обычаи христиан к требованиям римских властей. «Разве он <святой Павел> не обычный мальчик, говорящий на арамейском языке? – спросил озадаченный египетский правитель упрямого христианина и грустно добавил, чтобы покончить с неприятным вопросом: – Он ведь и близко не стоял рядом с Платоном, правда?»⁹⁸

Жестокости в те времена тоже хватало: тюрьмы были набиты христианами – мужчинами, женщинами и детьми, нередко содержавшимися в страшной тесноте и в ужасающих условиях. К числу других наказаний относились изгнание или принудительный труд на шахтах и в каменоломнях, когда жертвам брили половину головы, а надсмотрщики постоянно избивали их хлыстами.

Римляне выбрали дату одного из языческих праздников – 23 февраля 303 г., для издания первого из четырех эдиктов, придававших этим преследованиям официальный статус. В соответствии с ним предписывалось разрушение всех христианских храмов, сожжение священных книг, богослужения объявлялись вне закона, христиан лишали всех должностей, привилегий и прав, на которые они могли бы претендовать в суде. Уже через несколько часов язычники, с энтузиазмом воспринявшие эдикт, начали разрушать здания, принадлежавшие христианам, тем самым приступив к их повсеместному разорению.

Самой жуткой стороной этих преследований были казни, число которых обычно сильно преувеличивают, что, тем не менее, ничуть не умаляет их чудовищности. Нередко кровавым расправам, творившимся на глазах многочисленных зрителей, предшествовали жестокие пытки и истязания. Кроважидные язычники глумливо напирала друг на друга, глаза на то, как обнаженных девственниц и других христиан, включая стариков, женщин и детей, бросали в ямы, где их рвали на части голодные дикие львы, насаживали на рога быки, пронзали копьями гладиаторы, обезглавливали или сжигали, привязав к позорному столбу.

Христиане переносили эти ужасы по-разному. Наблюдавшие за ними язычники приходили в замешательство; они никак не могли взять в толк, почему многие жертвы не сопротивлялись, а некоторые даже приветствовали смерть, будто это были райские врата. Перед тем как принять мученическую кончину, целомудренная христианка из знатного семейства по имени Перпетуя сообщила своим тюремщикам, что когда они бросят ее на растерзание зверям: «другой будет во мне, который будет страдать за меня, а я буду страдать за него»⁹⁹. На следующий день она была казнена, и приняла смерть со спокойным мужеством.

Накануне мученической смерти Игнатий Антиохийский так выразил надежды на предстоящие истязания:

О, если бы не лишиться мне приготовленных для меня зверей! Молюсь, чтобы они с жадностью бросились на меня. Я заманю их, чтоб они тотчас же

⁹⁷ Fox, 456. Фокс описывает случай, когда девятнадцать человек под угрозой преследования за их христианские убеждения обращались с просьбой о предоставлении документов, подтверждавших, что на протяжении всей жизни они исповедовали язычество. Из этих девятнадцати человек не менее тринадцати были женщинами, а среди мужчин одному было шестьдесят два года, а другой был инвалидом.

⁹⁸ Там же, 421.

⁹⁹ Fox, 439.

пожрали меня, а не так, как они некоторых побоялись и не тронули. Если же добровольно не захотят, – я их принужу¹⁰⁰.

Некоторые христиане, обезумевшие от приговоров, вынесенных их сподвижникам, избиений и смертей, «добровольно» выражали желание последовать за ними. «Хочу умереть, ибо я христианин» – так, по преданию, воскликнул человек по имени Евплус, когда чиновники на Сицилии вырвали у него признание¹⁰¹. Но безропотно властям покорялись далеко не все. Например, когда шестеро солдат попытались принудить мученика Пиония поклоняться языческому жертвоприношению, он стал бить их коленями по ребрам, по ногам и рукам.

Мученичество представляло собой замечательную катапульту, посылавшую прямо в рай. Оно давало искупление всех грехов и возвышало любого до положения ангела. Обреченные на смерть христиане, томившиеся в застенках в ожидании лютой казни, мечтали о блаженном вознаграждении. Некоторые чуть ли не стремились к мукам, которые им предстояло пережить. «Когда нас рвут на куски всеми орудиями жестокости, – писал епископ Киприан о группе заточенных в темницу христиан, – <мы стремимся> не содрогаться от вида собственной растекающейся крови... мы чувствуем, как говорил Господь наш, что нас поджигают “факелами”, разжигающими в нас веру»¹⁰². Однако другие заключенные стремились провести последние свои часы, пустившись во все тяжкие, грешили как только могли, поскольку вскоре все грехи должны им были быть отпущены; они руководствовались лозунгом: «Ешь, пей и блуди, поскольку завтра ты умрешь». Сначала они исповедовались, а потом ударялись в загул и участвовали в оргиях с посещавшими их женщинами-христианками.

Тем не менее подавляющее большинство христиан переходили в язычество, подкупали чиновников и выкупали узников, покупали или подделывали документы, свидетельствовавшие о том, что они были язычниками, или попросту сбегали. Ведь, как сказано в Евангелии от Матфея, сам Христос побуждал скрываться тех, кто подвергался преследованиям. Этому совету следовали многие епископы, оставляя напуганную паству, «переходившую» в язычество или распадавшуюся на небольшие группы, члены которых думали лишь о том, как спастись. Но вскоре – в 313 г., все завершилось. Император Константин издал Миланский эдикт¹⁰³, по которому христианам было даровано право исповедовать их религию, им возвращалась конфискованная у них собственность. Так было покончено с преследованиями христиан.

Тем не менее если не в действительности, то в христианской традиции мученичеству продолжало отводиться большое внимание. Легендарная стойкость под пытками и сила духа утешали и ободряли многих христиан, опасавшихся преследований даже тогда, когда все было спокойно. Из обугленных останков мужчин, женщин и детей, принесенных в жертву разъяренными, нетерпимыми язычниками, которые не могли заставить их отречься или отвернуться от единственного истинного Господа, возникали образы героев и героинь.

Именно они создавали ту историческую традицию, которая лежала в основе деятельности святых отцов. Независимо от внутренних проблем церковного развития, они творили не всегда дозволенную, порой дерзкую, часто конфликтную, заманивавшую неопитов, теологически высокомерную и исключительно быстро достигшую успеха религию. В этом их поддерживала сила веры.

¹⁰⁰ Там же, 39.

¹⁰¹ Там же, 443.

¹⁰² *Фох*, 440.

¹⁰³ Миланский эдикт – письмо римских императоров Константина Великого и Лициния (женатого на сестре Константина – Констанции), провозглашавшее на территории Римской империи религиозную терпимость.

Второе пришествие

104

Все святые отцы сосредоточенно изучали Священное Писание, непрестанно молились о том, чтобы Господь ниспослал им озарение, и поддерживали связи с другими религиозными мыслителями. Вместе с тем каждый из них полагался на собственный опыт. Нередко он включал мучительную борьбу с сексуальным искушением, которая вела к тому, что эти мужчины, почти все из которых не были женаты, становились женоненавистниками, не доверявшими женщинам и боявшимися их. Так, Иероним, например, вспоминал:

<В пустыне>... где у меня не было других спутников, кроме скорпионов и диких зверей, мне часто казалось, что меня окружают девушки. Лицо мое было бледным, тело холодело от поста; а разум мой горел желанием, предомной полыхало пламя вожделения, но плоть моя была как у трупа¹⁰⁵.

Пытаясь создать сложную систему верований, опирающихся на Священное Писание, Иероним и другие святые отцы трактовали образы и истории Евы и Марии как уроки сексуальности и связанные с нею вопросы человеческой природы. Это отнюдь не способствовало росту расположения теологии к женщинам.

Святые отцы признавали разделение на плотское, или сексуальное, и духовное, но вместе с тем понимали, что люди могут содержать свои тела либо в святости, либо в грязи, как храмы, посвященные Господу, или как вертепы, обители греховной похоти. Напрямую также указывая на Адама и Еву, теологи делали вывод о том, что до грехопадения они были невинны и девственны, их (а потому и всего человечества) первородным грехом стал брак и сексуальность, которую он пробудил. Иероним так сформулировал это в присущей ему прямой и резкой манере: «Нет большего несчастья, связанного с <супружеской> неволей, чем стать жертвой вожделения другого человека»¹⁰⁶. Тертуллиан, который так ненавидел супружество, особенно собственное, что позже присоединился к секте монтанистов, крайне отрицательно воспринимавших сексуальные отношения, в этой связи заявил: «Различие между браком и блудом определяется законами через противозаконные уловки, а не по природе вещей»¹⁰⁷.

Мир, каким его видели святые отцы, разделен на добро и зло, дух и плоть, и независимо от того, были даны брачные обеты или нет, сексуальные отношения они относили к сфере зла. «Тело же не для блуда, но для Господа, и Господь для тела, – проповедовал апостол Павел. – Но, во избежание блуда, каждый имей свою жену, и каждая имей своего мужа... Впрочем это сказано мною как позволение, а не как повеление. Ибо желаю, чтобы все люди были как и я...» – добавил он великодушно¹⁰⁸. Адам и Ева создали плотскую связь супружества, а до грехопадения их отношения были духовны и невинны – ведь ангелы¹⁰⁹ не имеют пола, – и пра-

¹⁰⁴ Основными источниками этого раздела являются: Ambrose, “Concerning Virgins”, *Nicene Fathers*, Vol. X; Peter Brown, *The Body and Society*; Peter Brown, “Bodies and Minds: Sexuality and Renunciation in Early Christianity”; Peter Brown, “The Notion of Virginitas in the Early Church”; John Bugge, *Virginitas*; Vern L. Bullough, *Sexual Variance in Society and History*; John Chrysostom, *On Virginitas*; Saint Cyprian, *Treatises*; *Holy Bible* NSRV; Jerome, *Post Nicene Fathers*, Vol. VI; Joyce Salisbury, *Church Fathers, Independent Virgins*; и Tertullian (перевод S. Thelwall), “One Exhortation to Chastity”, *Ante-Nicene Fathers*, Vol. IV (Online).

¹⁰⁵ Jerome, “To Eustochium”, 25.

¹⁰⁶ Jerome, “Against Jovinian”, 386.

¹⁰⁷ Там же, 14.

¹⁰⁸ Corinthians 1, 6:13, 7:2 and 7:7.

¹⁰⁹ Григорий Нисский, а позже Иоанн Златоуст писали, что до грехопадения Адам и Ева вели ангельский образ жизни, Bugge, 5–29.

ведные христиане, стремящиеся попасть в рай, «не должны предаваться сексуальным утехам», как говорил Иероним¹¹⁰.

Путь к ангельскому бытию пролегал через девственность, а если уже было слишком поздно, то через целибат. «Пока ты непорочен и девственен, ты подобен ангелам Господним», – восторженно писал Киприан, первый африканский епископ, ставший мучеником в 258 г.¹¹¹ Его мнение разделял Амвросий: «Целомудрие создало даже ангелов. И потому тот, кто его сохранил, – ангел; а тот, кто его утратил, – дьявол»¹¹². До тех пор пока второе пришествие не превратит людей в «бесполох» ангелов, которые в силу этого не будут «вовлечены в половые связи», единственный достойный христианина образ жизни – быть совершенно непорочным.

Такой объединенный фронт воинствующих врагов сексуальности и приверженцев целибата привел к появлению многочисленных сочинений о том, как избежать соблазна, причем женщины в них изображались как дьявольски коварные искусительницы. Даже при обряде приветствия во время церковных служб мужчинам следовало оборачивать руки тканью рясы, чтобы притуплять ощущение, которое могло возникнуть от соблазна, вызванного прикосновением к женщинам. Иероним предостерегал против того, чтобы поддаваться искушению «тошнотворного вкуса» замужних женщин, «говорящих сквозь зубы, широко раскрывающих рот, шепелявящих и намеренно глотающих слова... что я называю прелюбодейством языка»¹¹³.

Вид и запах женщины были в равной степени соблазнительны, но девственность имела совсем иной аромат: «Запах твоей правой руки покажется тебе затхлым, а конечности твои будут благоухать ароматом воскресения; пальцы твои будут источать мирру», – так говорил Амвросий, обращаясь к девственницам¹¹⁴.

Такое отношение к мужчинам, как людям духовным и праведным, а к женщинам – как к воплощению похоти и зла, было общей чертой, присущей мысли святых отцов. Иероним охарактеризовал это следующим образом: «Речь идет не о блуднице и не о прелюбодейке, но любовь женщины в целом порицается за ее ненасытность; если вызвать ее, она обратится в пламя; дайте ей, сколько она возжелает, ей все будет мало; она лишает мужчину разума и все мысли его направляет на страсть, которую она питает»¹¹⁵.

Павел, одержимый мыслью о том, что женщины должны скрывать свои лица, вспоминал зловещую историю об ангелах, потерявших над собой контроль и без памяти влюбившихся в смертных женщин. Эти искусительницы забеременели от падших ангелов – в интерпретации Павла ангелы стали жертвами соблазвивших их женщин, – и отпрыски их оказались настолько порочными, что Господь ниспослал им за это наказание, затопив землю во время потопа.

Женщины выступали соблазнительницами, даже не пытаясь никого совратить – просто потому, что они были тем, кем были: развратными существами, дочерьми Евы. Чудесным исключением, конечно, оказалась целомудренная и непорочная Мария. Но даже это обстоятельство не удержало Иеронима от замечания о том, насколько неприглядным должно было быть детство Иисуса: «<быть в чреве> расти там девять месяцев, болезни, роды, кровь, пеленки. Представьте себе ребенка в пеленках»¹¹⁶. Нет, картину, которую нарисовал Иероним, красивой никак не назовешь.

Главным вопросом, волновавшим ранних христиан, была сексуальность, в частности проблемы, связанные с девственностью и целибатом. Почитание целомудрия было не ново, если вспомнить о наследии аскетизма – от общин ессеев до великих греческих мыслителей. Как

¹¹⁰ Jerome, "Against Jovinian", 374.

¹¹¹ Saint Cyprian, *Treatises*, Ch. 22, 50.

¹¹² Ambrose, "Concerning Virgins", Vol. X, Book I (Online).

¹¹³ Jerome, "To Eustochium", 35.

¹¹⁴ Там же, 18.

¹¹⁵ Jerome, "Against Jovinian", 367.

¹¹⁶ Jerome, "Against Helvidius", 344.

писал Мортон С. Эслин: «Христианство не сделало мир аскетическим; скорее мир, в котором развивалось христианство, стремился сделать аскетическим христианство»¹¹⁷.

Внимание к аскетизму у пифагорейцев, последователей Платона, стоиков и представителей других философских течений было источником вдохновения и подтверждения правоты идей отцов Церкви в ранний период развития христианства. Во II в., например, мученик Иустин любил повторять, что Платон был христианином задолго до появления Христа.

Однако христианский целибат, по сути, был значительно более широким явлением, чем простая имитация взглядов греческих философов или вероотступников – еврейских аскетов. Вместо их представлений он предлагал верующим – ни много ни мало – освобождение от оков тиранического нынешнего века. Как писал Иоанн Златоуст, непорочность свидетельствовала о том, что «у порога стоит воскресение»¹¹⁸. Хоть рождение Христа, распятие и воскресение стали концом нынешнего века, верующие не почувствовали на себе это великое изменение; они жили, боролись и страдали в буднях повседневности так же, как всегда. «Как же ты можешь думать, что освободился от Правителя века сего, когда даже мухи его выются над тобой?» – спрашивал Тертуллиан¹¹⁹. Как мог постоянно преодолевавший трудности, искусанный насекомыми христианин объявить миру о том, что нынешний век и вправду завершился?

Для этого было нужно что-то более осязаемое. Христианские мыслители, искавшие решение, нашли его в аскетической практике и в существовавших в то время философских учениях, а кроме того сформулировали собственную точку зрения на отказ от сексуального опыта. В мире, где отдельные люди почти никак не могли повлиять на ход своей жизни, лишь в отношении тела своего они обладали относительной свободой выбора. В то же время половое влечение, как естественная потребность в еде и сне, рассматривалось как нечто непреложное, непреодолимое и неотъемлемое. Греки даже называли половой член «потребностью». Поэтому обуздание христианами полового влечения и новый целомудренный образ жизни должны были стать доказательством окончания века. Историк Питер Браун утверждал, что сексуальность была самым подходящим объектом для радикальных перемен именно потому, что отражала присущую им тенденцию или внутренний процесс. Это означало, что отказ от нее и ее преодоление составляли самое явственное знамение наступления благословенного нового века.

Если судить с этой позиции, значение тела состоит в том, что оно представляет собой своего рода мост между личностью и обществом. Адам и Ева воспользовались свободой выбора и предали себя разврату, тем самым спровоцировав грехопадение, что привело к возникновению общества нынешнего века, состояние которого определялось дьяволом. Отказ людей от сексуальных отношений мог привести к его гибели и восстановлению блаженного состояния первозданного Эдемского сада.

Иначе говоря, это означало, что состоявшие в браке христиане, в отличие от откровенно развратных молодоженов-язычников, ложились в постель скорее чтобы «избежать блуда», чем ради увеличения численности граждан общества. Кроме того, христиане при купании избегали раздеваться догола, как было принято в то время. В большой церкви Антиохии они установили занавес, разделявший мужчин и женщин. Христианская сексуальная революция возвысила мужчин и девственниц до положения морального и культурного превосходства. А руководители Церкви обычно соблюдали целибат¹²⁰.

Современные ранним христианам язычники, евреи и зороастрийцы поражались соблюдению христианами целибата и последствиям такого генетического самоубийства. «Ибо вы были

¹¹⁷ Цит. по: *Bullough*, 160.

¹¹⁸ *Chrysostom*, 73.1.6.

¹¹⁹ *Brown*, “Bodies and Minds”, 482.

¹²⁰ На Западе превосходство целибата оставалось бесспорным до наступления эпохи Реформации. С другой стороны, Восточная церковь никогда не принимала строгой приверженности Западной церкви целибату среди женатых священнослужителей. *Brown*, “The Notion of Virginity in the Early Church”, 427.

прокляты, и приумножилось вами бесплодие», – говорили евреи епископу Аффраату в IV в.¹²¹ Для них, как и для других нехристиан, девственность была сокровищем, предназначенным в дар и исчезающим при дарении. Христиане возражали им, говоря, что грядет второе пришествие, и потому нет нужды увеличивать численность населения Земли. Позже, когда стало ясно, что второго пришествия не произошло, они утешались мыслью о том, что их целомудрие готовило души к торжественному доступу в рай.

По мере развития христианства поборники веры стали стремиться к соблюдению целибата на протяжении всей жизни, хотя общество постоянно оказывало на них давление, призывая их создавать семьи и производить потомство. Соблюдавшие целибат жили жизнью ангелов, создавая вокруг себя иное общество, переставшее быть мирским, поскольку оно представляло собой объединение верующих, связанных между собой уже не узами кровного родства или семейной близости. Святые отцы понимали стремление к тому, чтобы иметь детей, создавать семью, вступать в сексуальные отношения, но Григорий Нисский¹²² и Иоанн Златоуст, например, доказывали, что эти желания были естественной реакцией на ужасающую мысль о смерти, которая сопровождала грехопадение.

Более того, поскольку каждый человек обладал свободой выбора в вопросе о том, блюсти свое тело в чистоте, соблюдая христианский целибат, или следовать традициям, господствовавшим в светском обществе, у тех, кто склонялся к религиозному образу жизни, вскоре стали возникать альтернативные возможности жизни в монастырских общинах или так, как жили представители высшей церковной иерархии, соблюдавшие целибат. Христиане также создали и стали совершать удивительные обряды, приносившие верующим удовлетворение, поскольку через эти ритуалы достигалось их участие, преобразование и продвижение в жизни общины. Крещение, например, приводило верующих в ангельское состояние; обряд святого причастия сближал их с Господом.

Продолжавшееся среди ранних христианских теологов обсуждение проблемы девственности имело целью прояснение вопроса об отношениях людей друг с другом, о том, как им следует распоряжаться своими телами – как им самим заблагорассудится или как решит общество. В условиях существовавшего глубокого социального неравенства даже самым бедным христианам девственность служила своего рода пропуском, позволявшим приобщиться к ангельскому существованию с доступом к святая святых – к единому Господу.

Такие же острые теологические дебаты в подробностях велись вокруг истории Девы Марии, и основное внимание в них уделялось парадоксам понятия девственности. В образе Христа Господь соединился с человечеством через женское чрево и сосал женскую грудь. Но как же ее чрево при этом могло оставаться человеческой плотью? Господь не мог воспользоваться таким непристойным входом, и потому ее чрево должно было оставаться девственным.

Развивавшаяся религия налагала жесткие требования на своих сторонников, особенно в том, что касалось отказа от сексуальности, но в награду за это можно было получить неизмеримо большее воздаяние. Верующие христиане – бедные и богатые, женщины и мужчины, могли отнять контроль над своими телами у общества и посвятить себя богоугодному целибату, тем самым совершив тот шаг, который возвел бы их в сообщество ангелов. И через заступничество Марии, величайшей девственницы из всех, им стало бы дозволено познание Господа.

Аве Мария? Все большая непорочность Девы Марии

123

¹²¹ Там же, 427.

¹²² Братом Григория был Василий Великий, выступавший в защиту языческой литературы, восхищавшийся идеями Платона и создававший монастыри. Их сестрой была преподобная Макрина / Фекла.

¹²³ Основными источниками этого раздела являются: Vern Bullough, *Sexual Variance in Society and History; The Catechism*

Одержимость христианства непорочностью стала одной из его важнейших составляющих с того самого момента, как младенца Христа родила непорочная мать. Эта одержимость распространилась на всех христиан, сосредоточиваясь на женщинах и верующих, охватывая даже тех из них, кто состоял в браке. Ее смертоносная логика сводится к простому демографическому соображению о том, что соблюдающие celibат христиане не могут производить потомство, как отмечали скептически настроенные иудейские и мусульманские критики. Но самые предвзятые и мрачные обсуждения ведутся вокруг Марии – матери Христа. Они нашли отражение в нескольких догматах, которые на протяжении столетий постоянно лишали Марию той простоты и человечности, которыми проникнут ее библейский образ. При этом с ней происходили странные трансформации – от девственницы, зачавшей от Святого Духа, оставшейся непорочной даже после родов, вечной девственницы, которой она оставалась на протяжении всей своей супружеской жизни, до неземной девственницы, непорочно зачатой во чреве матери. Постоянное пристальное внимание, которое теологи уделяли вопросу о непорочности Марии, естественно, обеспечило христианским мыслителям неизменную привлекательность темы девственности как таковой.

Чтобы сформулировать относящийся к Деве Марии Символ веры, с которым согласилась Римско-католическая церковь, понадобилось восемнадцать столетий. В большинстве других христианских конфессий приняты, главным образом, самые ранние представления, относящиеся к этому вопросу. Интересно отметить, что официальные определения девственности почти целиком соответствуют в них степени веры в непорочность Марии.

Основной библейский сюжет, посвященный истории Марии, приведен в Евангелии от Луки, но включает в себя и более поздние положения о привычке Марии присоединяться к апостолам и другим последователям Иисуса в «верхней комнате» в Иерусалиме. Тексты Луки, немногие другие упоминания в Новом Завете и замечание Исая: «се, Дева во чреве примет, и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил»¹²⁴, что значит «с нами Бог», составляют те документальные свидетельства, которые убедили отцов Церкви в девственности Марии и, соответственно, в непорочном рождении Христа.

Несмотря на недостаточную убедительность и фрагментарность этих источников, история Марии без конца переписывалась, редактировалась, факты проверялись, сочинялись, дополнялись и толковались. Мариология – учение Церкви о Марии, давно стала серьезной дисциплиной, на исследование отдельных вопросов которой тратили академические жизни соблюдавшие celibат теологи. По мере того как ее история переделывалась, они создавали целые библиотеки, путаясь, когда хотели что-то прояснить, сбиваясь с толку, когда пытались что-то разумно истолковать. Значительно позже, в 1854 г., Папа Пий IX вынес окончательное решение – заявление *ex cathedra*¹²⁵, облеченное в присущую церковному авторитету торжественность и помпезность и оформленное в догмат о непорочном зачатии.

Во II в. христианские мыслители много размышляли о Марии и в связи с ней, естественно, об Иосифе. Положение о том, что Христос был рожден непорочной матерью, зачавшей от Святого Духа, особых вопросов не вызывало – такое уже не раз проделывали Зевс и другие боги. Но распространение идей аскетизма, которые поначалу лишь торили себе путь, а потом – в эпоху раннего христианства – возобладали, вызывало диссонанс с мыслью о том, что Бог возжелал молодых прелестей Марии, а потом спланировал и осуществил ее соращение. Господь не мог быть похотливым соблазнителем – разврат оставался уделом дьявола.

of the Catholic Church; John McHugh, *The Mother of Jesus in the New Testament*; Ute Ranke-Heinemann, *Eunuchs for the Kingdom of Heaven*; Jane Smith and Yvonne Haddad, “The Virgin Mary in Islamic Tradition and Commentary”; and Marina Warner, *Alone of All Her Sex: The Myth and the Cult of the Virgin Mary*.

¹²⁴ Исая 7:14.

¹²⁵ *Ex cathedra* (лат.) – безошибочность официально изреченных Папой Римским истин в соответствии с догматом о папской непогрешимости.

Как же тогда произошло зачатие? Ориген и другие отцы Церкви выдвигали несколько возможных методов: через слова ангела; через ухо Марии; через мистическое дыхание Святого Духа (предпочтительный вариант святого Амвросия)¹²⁶. Религиозное искусство отличалось большим воображением: семя исходило изо рта Господа вниз по трубке, заканчивавшейся под юбкой Марии; вместо трубки использовался голубь; семя в ухо Марии вложил архангел Гавриил.

В соответствии с апостольским Символом веры, оформившимся к концу IV в. и получившим официальный статус в VIII в., Святой Дух ввел младенца Христа уже целиком сформированного, а не как семя, возвращенное телом Марии. К XVII в. Франсиско Суарес, первый теолог, систематически изучавший этот вопрос, пришел к выводу о том, что Мария не потеряла невинность, когда рожала Христа, и не испытывала эротических ощущений, свойственных женщинам. Это стало основой концепции *virginitas ante partum*¹²⁷.

Естественно, что многие люди не могли в это поверить и не верили либо потому, что доктрина была надуманной, либо потому, что позже стала казаться таковой. Они размышляли над этим и могли поверить лишь в то, что Христос был кровным сыном Марии и Иосифа. Нехристиане, уважительно относящиеся к христианству – например, мусульмане, – и по сей день почитают Христа как пророка из плоти и крови. С другой стороны, некоторые христиане верили, что он был вовсе не человеком, а божеством, которое появилось на земле уже в образе взрослого мужчины. Однако уже во II в. такие взгляды становились опасно еретическими.

С другой стороны, верующие поддержали историю непорочного зачатия, изложенную в протоевангелии от Иакова. В нем Мария дала обет непорочности, к которому Иосиф отнесся с уважением. Кроме того, они еще были только обручены, а не женаты, и потому она должна была оставаться девственницей.

История о непорочном зачатии была относительно более привлекательной по сравнению с тезисом о непорочных родах, *virginitas in partu*. Теперь Мария оставалась непорочной даже после рождения Христа. Основным источником, повествующим об этом, опять-таки является протоевангелие от Иакова. По этой версии, повивальная бабка, помогавшая при рождении Христа, встретила Саломею и воскликнула: «Саломея, Саломея, я хочу рассказать тебе о явлении чудном: родила дева и сохранила девство свое». Саломея не поверила ей и сказала: «Жив Господь Бог мой, пока не протяну пальца своего и не проверю девства ее, не поверю, что дева родила». Саломея подошла к Марии и подготовила ее к осмотру. Но как только она сунула палец ей во влагалище, Саломея вскрикнула от боли, тут же его оттуда вынула и заплакала: «Горе моему неверию, ибо я осмелилась искушать Бога. И вот моя рука отнимается как в огне»¹²⁸. Она помолилась, раскаялась, и Господь ее простил. Благодаря ей в качестве установленного факта было получено доказательство того, что Мария каким-то образом родила Христа, сохранив нетронутой девственную плеву¹²⁹.

Некоторым отцам Церкви, например Оригену и Тертуллиану, такая новая версия показалась неправдоподобной, и они отказались в нее поверить. Тем не менее ее сторонники постепенно приходили к власти, и со временем *virginitas in partu* стало догмой. В конце IV в. священнослужитель Иовиан вступил в спор с Папой Сирициусом, ярким сторонником целибата, доказывая, что рождение Христа лишило Марию девственности, порвав ее девственную

¹²⁶ Аль-Табари, самый известный из классических комментаторов, указывал на три возможности: Господь в образе ангела дул в карман Марии, пока его дыхание не проникло в ее чрево, и она зачала; то же самое он сделал в ее рукав; или подул ей в рот.

¹²⁷ *Virginitas ante partum* (лат.) – девственность до рождения.

¹²⁸ Апокрифы. Библиотека «Вехи». Протоевангелие от Иакова. (История Иакова о рождении Марии). – Интернет.

¹²⁹ *Rasnke-Heinemann*, 343–344, цит. по: Протоевангелие от Иакова. *Rasnke-Heinemann* отмечает, что это сочинение оказало огромное влияние на развитие мариологии. В других источниках, в частности в «Вознесении Исайи», созданном во II в., также описывались безболезненные, а значит, непорочные роды.

плеву. Это еретическое утверждение привело Папу в такую ярость, что он отлучил Иовиана от Церкви. Официальная версия уже тогда сводилась к тому, что Мария и после родов продолжала оставаться непорочной.

Но даже этого было недостаточно. Теперь несгибаемые приверженцы аскетизма настаивали на том, что ее непорочность оставалась вечной. Папа Сирициус объяснил, почему это должно быть именно так:

Иисус не выбрал бы себе для рождения девственницу, если бы его заставили смотреть на нее как настолько невоздержанную, чтобы допустить, что ее утроба, в которой возникло тело Господа нашего, этот чертог бессмертного царя небесного, был осквернен мужским семенем¹³⁰.

У этого тезиса существовало несколько серьезных недостатков. Матфей четко указывал на то время, когда Мария и Иосиф еще не были близки, и говорил о том, что Иисус был первенцем Марии, тем самым давая понять, что за ним следовали другие. В другом евангелии сказано, что Иаков, Иосия, Симон и Иуда были его четырьмя братьями. Как же при этом Мария могла постоянно оставаться непорочной? В числе остальных Тертуллиан утверждал, что она таковой не была и братья Иисуса на деле были его братьями.

Все это чушь, говорили многие теологи. Братья Христа в действительности были его единокровными братьями – детьми Иосифа от предыдущего брака¹³¹. Что же это за брак был такой? Внезапно совсем недавно возникшие мариологи состарили добродушного, честного, молодого плотника и превратили его в добродушного, сгорбленного старца, у которого уже было четверо сыновей от его первой, по всей видимости, скончавшейся жены.

Но для Иеронима такая точка зрения была неприемлема. А что же с беднягой Иосифом? «Он, который стоил того, чтобы называться отцом Господа, оставался девственником». Как посмели его коллеги вычеркнуть Иосифа из списка утвержденных девственников! Как же «богомерзко сомнительное предположение» о том, что порочный Иосиф мог составить подходящую пару для непорочной Марии! Эти назойливые братья, пояснял Иероним, были лишь «братьями в значении родственники», а не родными братьями. Кем же они были на самом деле? Очевидно, что они были его двоюродными братьями. Иаков, Иосия, Симон и Иуда были двоюродными братьями Христа¹³².

Мария всю жизнь оставалась девственницей и рожала без повреждения девственной плевы; она была замужем за Иосифом, который всю жизнь оставался девственником. На этом мариологи остановиться не могли. А как же быть с рождением самой Марии из чрева Анны, зараженного спермой? Этого, оказывается, не было, как доказывал Ориген: «мой Спаситель Иисус вступил в этот мир без лишения невинности; внутри матери своей он не был осквернен, он проник в тело, остававшееся непорочным». Как могло такое произойти? Потому что Мария была настолько духовно чиста, что у нее, в сущности, не было тела, и Анна с Иоакимом зачали ее, не чувствуя ни малейшего вожделения. Это значит, что зачатие Марии было непорочным – так возникла концепция непорочного зачатия.

Дальнейшее развитие она получила в Англии в XII в. Ансельм Кентерберийский писал, что «образ ее должен быть настолько безупречен и непорочен, что никого, кроме Господа, зачать она не могла». Эдмер, монах бенедиктинского монастыря в Кентербери, довел это положение до нынешнего его состояния: зачатие Марии во чреве Анны было непорочным и лишенным похоти¹³³. В 1854 г. Папа Пий IX провозгласил в качестве догмата, что: «Блаженная Дева

¹³⁰ *Raske-Heinemann*, 5, цит. Папа Сирициус в письме к епископу Анисию, 392.

¹³¹ *McHugh*, 200–201. Этой точки зрения придерживался Епифаний Саламский на Кипре. В число тех, кто разделял ее, входили Климент Александрийский, Амвросий, Григорий Нисский и Ориген.

¹³² *Warner*, 23; *McHugh*, 200–201, 223–225.

¹³³ *Bugge*, 110, 150–154.

Мария была с самого первого момента Своего Зачатия... сохранена незапятнанной никаким пятном первородного греха»¹³⁴.

Сегодня катехизис Католической церкви повторяет догмат о непорочном зачатии Марии в формулировке Пия IX, приведенной выше. Там утверждается, что Мария была девственна при зачатии Христа «от Святого Духа без человеческого семени». И хотя Мария как Приснодева является интегральной частью католической литургии, для ее всеобъемлющего определения применяются слова Блаженного Августина. Мария «осталась Девой, зачав Сына, Девой рождая его, Девой нося его, Девой став Матерью, Девой присно»¹³⁵. Тем не менее в 1964 г. на Втором Ватиканском соборе было решено отказаться от провозглашения Марии непорочной во время родов и после них в качестве Символа веры. Слишком много католиков по этому поводу терзались сомнениями.

В основе мариологии лежит печаль изучения жизни обычной женщины, не оставившей ни дневников, ни личных свидетельств.

Мариологами по традиции были мужчины, соблюдавшие целибат; в эмоциональном и теологическом отношении они стремились лишиться ее женственности. В каждом их слове слышится стремление к отрицанию того, что Мария жила половой жизнью, испытывала эротическое наслаждение, чувствовала боль разрыва девственной плевы, переживала родовые муки, радости и печали вынашивания других детей. Мариологи обожали Марию, ненавидя женщину, и потому складывалось впечатление, что Мария вроде бы женщиной и не была. Лишь в таком выхолощенном, очищенном и прошедшем цензуру образе они признают ее достойной того титула, который они ей великодушно даровали: Царица мира.

По всем этим причинам мариология резко отличается от житийной литературы, так трогательно рисующей портреты Марии Египетской, святой Бригитты Шведской и сотен других святых женщин. Все они, даже Екатерина Сиенская, должны были бороться с вождением и зовом плоти, все они грешили, ошибались, каялись и были прощены. Мария, с другой стороны, была ангельски бесполой, как Ева до грехопадения, и ни одна смертная женщина не могла с ней сравниться. Тем не менее, продолжая развивать идею о благочестии Марии, мариологи изображали ее перед женщинами как утешительницу, к заступничеству которой они могли обратиться, поскольку она имела возможность вступить за них пред Господом. Кроме того, смертные женщины часто обращались к примеру поведения Марии как матери, который особенно подчеркивался в Средние века, находя отражение в картинах на религиозные темы, где видно, с какой нежностью она кормит грудью младенца Иисуса.

Но, если взглянуть с другой стороны, Мария была настолько полно, настолько безупречно бесполой, что ее непорочность составила лишь предмет поклонения. Такое положение вещей не предполагало ничего, связанного с целибатом, его проблемами, искушением или наградой. Ее случай был уникальным и неподражаемым. Короче говоря, Мария была, если можно так выразиться, предосудительно непорочна, как некий укор женщинам, которые даже отдаленно не могли приблизиться к уровню ее праведности. Статус женщин не повысило даже ее вознесение в высшие божественные сферы. Если это как-то и повлияло на женщин, то лишь тем, что вызвало у них отвращение к браку.

Тем не менее мариология оказала огромное влияние на христианский целибат, поскольку по мере его становления и развития он в значительной степени определял направленность обсуждений проблем непорочности и безбрачия людей, а также сути женской природы. Так, например, в эпоху раннего христианства отцы Церкви всерьез задумывались над вопросом о том, являются ли девственницы женщинами? Обычно, хоть и с некоторыми оговорками, ответ на этот вопрос был отрицательным, по крайней мере когда речь шла об умерших, мало кого

¹³⁴ Пий IX, апостольская конституция «Ineffabilis Deus».

¹³⁵ St. Augustine, проповедь 186, цит. по: *The Catechism of the Catholic Church*.

интересовавших девственницах, которые не могли внезапно сбиться с пути добродетели, поддаться влиянию похоти и доказать, что в сердце своем они были просто слабыми женщинами. Молодым живым женщинам приходилось доказывать свою непорочность гораздо более суровыми способами – при возможности им следовало вести уединенный образ жизни, внешность их должна была быть лишена женственности и привлекательности, что достигалось изнурительным постом, в результате которого эти женщины становились похожими на обтянутые кожей скелеты.

Величайший парадокс создания образа непорочной Марии заключается в том, что его авторами были соблюдавшие целибат мужчины, которые не доверяли женщинам и не любили их. Их отвращение к обычным занятиям представительниц противоположного пола – браку, рождению детей и материнству – превратило Марию в Царицу мира, в которой непросто было распознать не только женщину, но порой даже просто человеческое существо. Однако еще более тревожным стало то, что их исходное женоненавистничество, охватывая весь христианский мир, распространялось и на другие учения. Очевидно, что призывы к соблюдению целибата основывались, прежде всего, на представлении о женщинах как о порочных, слабовольных и похотливых соблазнительницах.

Несмотря на огромное влияние мариологов, они оказались не в состоянии помешать развитию устойчивой тенденции, разделявшейся свободомыслящими женщинами-христианками, которые отвергали эту господствовавшую точку зрения и отстаивали иной подход к целибату – положительный и несущий свободу. Эти матери церкви – бегинки, честолюбивые аббатисы и монахини, равно как и целомудренные жены, соблюдали целибат, выполняя собственную миссию: благочестивое, праведное, глубоко религиозное самоочищение. Из такого подхода к проблеме вытекали важные преимущества: освобождение от мужей и от мужчин в целом; доступ к запретным профессиям, обучению и знаниям; признание женщин в качестве святых; самореализация и духовное наставничество. Их личные усилия были настолько упорны и последовательны, что даже мариологи не смогли подавить их во имя Приснодевы Марии, Царицы мира.

Бойкот чрева энкратитами и гностиками

136

В первые века существования Церкви основные идеи ее отцов о женщинах, мужчинах, сексуальности и целибате следует рассматривать в соответствующем контексте: они были не единственными христианскими мыслителями, а лишь наиболее влиятельными. Два других крупных идейных течения в рамках Церкви были представлены энкратитами¹³⁷ и гностиками¹³⁸. Их сторонники резко выступали против сексуальных отношений и за безбрачие, а их представления оказали большое влияние на основную христианскую концепцию целибата¹³⁹.

¹³⁶ Основными источниками этого раздела являются: *Acts of Judas Thomas* (перевод Klijn); “Acts of the Holy Apostle Thomas”, *Ante-Nicene Fathers*, Vol. VIII (Online); Peter Brown, “Bodies and Minds”; Peter Brown, *The Body and Society*; John Bugge, *Virginitas*; Vern L. Bullough, *Sexual Variance in Society and History*; Minucius Felix (перевод G. H. Rendall), *Octavius*; E. Henneche и W. Schneemelcher, *New Testament Apocrypha*; *Holy Bible NSRV*; “The Interpretation of Knowledge” (перевод L. D. Turner), *Nag Hammadi Codices*, XI; W. Schneemelcher (ред.), *Acts of John*; “Sophia of Jesus Christ” (перевод M. Parrott), *Nag Hammadi Codices*, III; Tatian (перевод J. E. Ryland), “Address of Tatian to the Greeks”, Vol. III, Chapter XV, (Online); and Tertullian “Concerning Virginity” (Online).

¹³⁷ Энкратиты – крайне консервативная группа христиан, полагавших, что необходимым условием спасения и истинной веры является последовательное воздержание, включающее отрицание брака, а также запрет пить вино и есть мясо.

¹³⁸ Гностики (от греческого слова «гнозис» – знание, как правило, тайное) – сторонники гностицизма, учения, включавшего религиозные концепции восточной мифологии, иудаизма и некоторых положений раннего христианства. Гностики полагали, что спасение возникает через интуитивно постигаемое знание в дуалистической системе, противопоставления духа и материи. В разных течениях гностицизма отношение к браку и сексуальным связям было неоднозначным.

¹³⁹ Это действительно так, несмотря на осуждение гностицизма отцами Церкви. Ко II в. это учение было осуждено как извращавшее христианство.

Энkratиты, которые имели особенно сильное влияние в Сирии, получили название от греческого слова *enkrateia* – воздержание, составлявшее их основополагающий принцип. Они называли супружество «грязным и порочным образом жизни» и призывали будущих супругов отказываться от «мерзостного совокупления»¹⁴⁰, которое их ведущий теолог Татиан называл дьявольской выдумкой. Целомудрие, напротив, является воплощением совершенства.

Внимание энkratитов к целибату определялось интерпретацией Татианом известных событий в Эдемском саду, где грехопадение рассматривалось как сексуальная трагедия. В раю Адам и Ева были непорочными существами, не знавшими животного начала, каждый был «повенчан» со Святым Духом. Они знали Бога так же, как ангелы, им была суждена вечная жизнь. Но соблазненные змием, который внушил Еве бесстыдные мысли¹⁴¹, они променяли непорочную жизнь на сексуальные отношения друг с другом. Последствия этого были катастрофическими: падение до скотского уровня привело к распространению скотских нравов и к смерти. «И вслед за женщиной был брак, и за браком было размножение, а за размножением следовала смерть»¹⁴². Более выразительно эта мысль звучит так: «...потому что участь сынов человеческих и участь животных – участь одна; как те умирают, так умирают и эти, и одно дыхание у всех, и нет у человека преимущества перед скотом; потому что все – суета!»¹⁴³

Этим единственным совокуплением Адам и Ева расторгли союз с Господом. Чтобы исправить такое положение, каждый человек должен был отказаться от половой жизни, что на деле означало бойкот чрева – «поскольку сказано, что каждый должен искупить свое грехопадение»¹⁴⁴. Это звучит как обет надежды на мрачную в моральном отношении перспективу. Непорочные были благословенны изначальным целибатом, а люди, состоявшие в браке, должны были соблюдать целибат лишь после крещения, и тогда они также обретали состояние святости. По словам Татиана: «Человек – это не просто наделенное разумом животное, как тщатся доказать некоторые философы... Дух Господень... обитает с теми, кто живет в справедливости и в единении с душой»¹⁴⁵.

Крещение энkratитов представляло собой обряд, направленный на лишение человека половой принадлежности. Мужчины и женщины снимали с себя все одеяния и нагими погружались в крестильный бассейн. Такое погружение в холодную воду остужало жар их пламенного рождения, и Дух Святой пронизывал воду и окутывал нагую плоть венцом славы. И в сиянии ее крещеные взрослые стояли в бассейне столь же невинные в сексуальном плане, как дети.

В традиции энkratитов Иуда Фома был «близнецом» Христа, и его доблестная земная борьба с демонами нынешнего века была описана в «Деяниях Иуды Фомы»¹⁴⁶. Молодых людей, обдумывавших вступление в брак, вдохновляла история о том, что произошло в некую первую брачную ночь:

И сел Господь наш <похожий на Фому> на ложе и пригласил молодых людей сесть на сиденья... <и потому> были сохранены от похоти, и на местах своих <отдельных> провели ночь.

А для тех, кто состоял в браке, там был дан волнующий пример того, как Мигдония, жена принца Кариша, заставила домогавшегося ее мужа соблюдать целибат:

¹⁴⁰ “Acts of the Holy Apostle Thomas”, *Ante-Nicene Fathers*, Vol. VIII (Online).

¹⁴¹ Еврейская традиция придерживалась противоположной точки зрения: Адам и Ева научили зверей половым сношениям.

¹⁴² “Origins of the World”, *Nag Hammadi Codices*, II, 5:109, цит. по: Brown, *The Body and Society*, 94.

¹⁴³ Ecclesiastes 3:19.

¹⁴⁴ Henneche and Schneemelcher, цит. по: *Acts of Andrew* 5, 2:410.

¹⁴⁵ *Tatian*, “Address of Tatian to the Greeks”, Ch. 15, Vol. III (Online).

¹⁴⁶ Эта работа написана около 220 г. в Сирии, она воплощает идеи энkratитов.

<Принц Кариш> вошел, и около нее встал, и снял одежду свою. Она заметила его и сказала ему: «Нет тебе места около меня, ибо лучше, чем ты, Господь мой Иисус, с которым я соединена, и около меня всегда Он».

Отвергнутый принц вознегодовал и стал протестовать:

Я, я – Кариш, супруг юности твоей, и я, я – супруг твой воистину... подними глаза твои и взгляни на меня, ведь много лучше я, чем тот колдун, и прекраснее я, чем он, и богатство, и честь у меня, и всякий знает, что ни у кого нет такой родословной, как у меня¹⁴⁷.

Но даже глядя на восхитительно красивое обнаженное тело Кариша, Мигдония не изменила решения. Вместо этого она взяла покровы со своего непорочного ложа, связала ими Кариша, чтобы остановить его, и убежала, лишь слегка прикрыв свою наготу¹⁴⁸.

Бойкот чрева представлял собой своего рода объявление энкратитами войны скотскому разврату и задуманному дьяволом нынешнему веку, где бедные люди голодали, а правители проматывали целые состояния на блиставшие роскошью дворцы. Кроме того, бойкот чрева освобождал женщин от пожизненного рабства. Энкратиты рассматривали свадебную вуаль девственницы как символ грядущего сексуального позора, а возведение роскошного и гостеприимного свадебного шатра как создание оков порока, подчиняющих тело чувственности, сексуальности, рождению и воспитанию детей. Как учил Иуда Фома, «узы брака исчезают, порождая презрение, лишь Иисус пребывает вовеки»¹⁴⁹.

После принятия целибата мужчины и женщины могли мирно собираться вместе, жить парами и объединяться в общины, схожие с предшественницами американских общин шейкеров. Эти общины процветали в горах Сирии и Малой Азии, они пополнялись в основном за счет новообращенных и детей-сирот. Иисус – второй Адам, преуспел в своей миссии искупления сексуальных прегрешений человечества, допускаясь с того времени, когда первый Адам не подчинился Господу и сделал то, что его убедила сделать Ева.

Гностики – *gnosis* по-гречески означает «истинное знание» – представляли собой другую чрезвычайно влиятельную христианскую секту. Один из их идеологов – Маркион¹⁵⁰, питал такое отвращение к сексуальности, что отрицал рождение Иисуса женщиной и вместо этого представлял его как полностью сформированного мужчину, спустившегося с небес на землю. Маркион соблюдал целибат и запрещал своим последователям жениться. Он даровал такие ритуалы, как крещение и святое причастие, лишь целомудренным христианам – вдовам, мужьям и женам, соглашавшимся «отречься от плода их брака»¹⁵¹

¹⁴⁷ «Деяния Иуды Фомы апостола». Русская апокрифическая студия. – Интернет.

¹⁴⁸ *Acts of Thomas* 2 and 13, 70–71, 111, 115, 126–127.

¹⁴⁹ Там же, 88, 101.

¹⁵⁰ Маркион был церковным реформатором, преданным анафеме римской церковной общиной в 144 г. После этого он основал собственную церковную организацию.

¹⁵¹ Цит. по: *Bullough*, 184.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.